

18+

Лана Ладынина

Король и Мастер

Лана Ладынина
Король и Мастер

«Издательские решения»

Ладынина Л.

Король и Мастер / Л. Ладынина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512177-6

Две загадочные, неоднозначные фигуры в истории. Король Испании Филипп II — герой «Чёрной легенды», непримиримый католик, и нидерландский художник Иероним Босх, которого клеймили еретиком и безбожником. Как это не парадоксально, но первый становится вдохновенным коллекционером картин второго.

ISBN 978-5-00-512177-6

© Ладынина Л.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Король и Мастер

Лана Ладынина

Нет другой фигуры, написанной разными историками в столь противоположных красках, как фигура Филиппа II Испании.

Роберт Уотсон.

Мало художников, о ком столько же предположений, сколько их о Иерониме Босхе.

Крис Диркон.

© Лана Ладынина, 2021

ISBN 978-5-0051-2177-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Хертогенбос, Брабант, Бургундские Нидерланды. 1450.

Раздались последние крики роженицы под одобрительные возгласы повивальной бабки, вслед за ними – громкий, залиvistый крик новорождённого младенца. Обихаживая дитя, она объявила в ответ на вопрошающий взгляд роженицы:

– Это мальчишка, Господь опять подарил вам сына, Алейт.

– Сын... его, вероятно, назовут Иеронимом, – устало улыбнулась обессиленная, счастливая Алейт.

– Самое подходящее имя, ведь мальчик родился в дни почитания Святого Иеронима, – с этими словами повитуха подала матери завернутого в льняную пелёнку ребёнка.

В дверь комнаты осторожно просунулась голова хозяина, и, после приглашающего жеста повитухи, он уже уверенно вошёл в семейную спальню. Женщина шагнула навстречу:

– Поздравляю вас, господин художник. Всемиловитый Господь наш одарил вас сыном, – и женщина поклонилась хозяину. Хозяин в ответ тоже отвесил повитухе поклон, выражая признательность за помощь.

Молодая женщина недавно прибыла в Хертогенбос, но, заручившись поручательством старого, уважаемого здесь городского врача – друга её умершего врача-дядюшки, уже успела показать себя умелой повитухой и травницей, знающей толк в травах и снадобьях. Она боролась за признание и была благодарна художнику за приглашение, его семью хорошо знали в городе.

– Мы назовём сына Иеронимом, в честь Святого, – художник вопросительно глянул на согласно кивнувшую ему жену, принял от неё маленький свёрток с торчащей оттуда крошечной головкой. – С рождением тебя, сын мой Иероним, пожалуй в эту жизнь.

Младенчик медленно открыл глазки и, вдруг, неправдоподобно ясным взглядом уставился на отца. Через несколько секунд он закрыл глазки и соорудил гримаску, в которой, Антониусу показалось, мелькнула ирония. Или это страдание? На мгновение сердце художника болезненно сжалось, но только на мгновение. Ребёночек мирно, сладко засопел, засыпая. Антониус тут же уверил себя, что всё ему просто почудилось, это только обычная гримаска младенческого личика.

– Бог не оставит нашего сыночка, Бог не оставит всех нас, – привычно-молитвенным тоном промолвила Алейт, будто поддерживая мужа.

В семье хертогенбосского художника Антониуса ван Акена только что явился на свет его четвёртый ребёнок и третий сын. Заботливо укладывая новорождённого в низкую деревянную кроватку-колыбель, заблаговременно поставленную на скамью около кровати с полуседящей Алейт, Антониус шутливо нахваливал жену: как удачно она подгадала с рождением мальчика в знаменательные дни Святого Иеронима. Маленького Иеронима ван Акена ожидают успех и почитание.

В комнате, освещённой ласковым осенним солнцем, тем временем, появились ожидавшие за дверью и призванные, наконец, повитухой, старшие дети Антониуса – Гуссен, Ян, и малютка Херберта. Вошёл и прибывший увидеть своего новорождённого внука отец Антониуса, художник Ян ван Акен. Ян поздравил сына с невесткой, подошёл к колыбели, где уже толпились дети, с любопытством взирая на младшего братика. Мальчики шикали на малышку Херберту, пытавшуюся прикоснуться к младенчику, казавшемуся ей самой волшебной и сказочной живой игрушкой. Посмотрев на внука, тихонько кряхтевшего в колыбкльке, Ян ван Акен шутливо-торжественно обратился к сыну:

– Как же ты собираешься назвать мальчика, родившегося в дни молитв Святому Иерониму, – отец и сын понимающе улыбнулись друг другу: упоминания о Святом Иерониме Антониус ещё не раз услышит в эти дни.

– Мы уже назвали сына Иеронимом.

– Что ж, быть ему, Иеронимусу ван Акену, умным, учёным, в книгах и житиях святых сведущим, как был его святой покровитель¹, – с чувством произнёс Ян ван Акен.

– Ах, пусть уж лучше картины пишет, как его дед и отец, да будет просто Еруном ван Акеном, – сокрушённо возразила Алейт, – из этих учёных да умудрённых одни еретики полуются, – и она богобоязненно осенила себя крестом.

– А как же Святой Иероним? – шутливо-удивлённо спросил жену Антониус, – он славился своей учёностью.

В ответ Алейт слабо замахала руками, будто отгоняя вопрос мужа. «Может быть, он и был первым еретиком?» – мысленно задал себе Антониус просившийся на язык, но так и не произнесённый вслух вопрос.

Художник отослал детей играть во внутренний дворик дома, поручив старшему Гуссену присматривать за Яном с Хербертой, и направился вдохнуть всей грудью свежего воздуха, да распрощаться с отцом, засобиравшимся уже к себе домой, где он жил с семьёй старшего сына.

Высказывая пришедшее к месту пожелание успеха для новорождённого сына, Антониус ван Акен ни на минуту не задумался о будущем ремесле для маленького Иеронима и старших сыновей. Ван Акены – семья потомственных художников, к слову сказать, вполне успешных. Его дед был художником, его отец, братья и он сам – художники. Художниками будут его сыновья и сыновья его братьев. Предки Антониуса пришли когда-то из германского Ахена и обосновались здесь, в Хертогенбосе. От названия города Ахена и происходит их фамилия. Его дед стал уже полноправным горожанином, гражданином Хертогенбоса. Жаловаться на отсутствие работы было бы грехом. Его отец, Ян ван Акен, недавно закончил роспись алтаря в огромном соборе Святого Иоанна Евангелиста – главном в городе, все они помогали отцу. Под тяжестью прожитых лет отец уже чувствовал подкрадывающуюся немощность, но всё ещё обладал влиянием среди художников Хертогенбоса. Антониус тоже выполнял заказы собора и других церквей, коих в городе находилось немало. Множество церквей, монахов, христиан-

¹ Святой Иероним или Иероним Стридонский (342 – 419/20) по традиции считается одним из самых образованных Отцов Церкви. Его латинский перевод Библии по сей день один из лучших. *Здесь и далее – примечания автора.*

ских братств и общин являлось особенностью Хертогенбоса, отличавшей его от других городов Брабанта.

Солнечный день, казавшийся тёплым и ласковым из окна уютного дома на одной из улочек близ собора, вдруг повеял неожиданной, суровой прохладой. Зябкий ветер пригнал к его ногам опавшие с деревьев жёлтые и красные листья. Художник поднял трепетавший на ветру красный с зелёными прожилками листок, поднёс к лицу. Листок пах осенней сыростью. Антониус, вышедший за порог в одной рубахе из тонкого льна, поёжился. «Вот и конец мягкому сентябрю. Осень.», – и он поспешил обратно внутрь дома. Нужно подготовиться к приходу гостей. Вероятно, они заглянут сегодня вечером, отец оповестит всех знакомых, кого встретит по дороге.

Было около четырёх часов пополудни.

Вальядолид, Испания. 1527 год.

За украшенными изящной резьбой дверьми раздался крик новорождённого младенца. Карл V Габсбург, император Священной Римской Империи и король Испании, один из самых могущественных монархов, хотя ему не было ещё и тридцати, резко повернулся на звук:

– Ах, ну наконец-то.

Нервное, напряжённое выражение его лица сменилось на радостное и весь его облик выражал теперь облегчение:

– Господи Всемилостивый, благодарю тебя, – взволнованно воскликнул император и ринулся в спальню жены.

Преыдущую ночь и долгое утро он не мог сомкнуть глаз, беспокойно расхаживая из зала в зал по покоям своей обожаемой супруги, португальской инфанты² Изабеллы, пока она мучилась трудными, затяжными родами. Несколько раз он заходил в спальню Изабеллы, но видя бледные, усталые лица врачей, обливающихся потом от неимоверной жары, измождённых долгими часами без сна, быстро исчезал из просторного зала, хотя германские врачи приветствовали присутствие императора. Лицо Изабеллы Португальской, несомненно, было искажено страданиями боли, но её лица никто не видел. По приказанию императрицы, её голову покрыли чёрной вуалью, дабы никто не мог лицезреть вызванные болью гримасы супруги императора. За всё время родов императрица и королева Испании не произнесла ни звука, не желая уронить своё достоинство и гордость, сказав перед родами: «лучше умереть, чем закричать». Только глубокое, прерывистое дыхание, которое она не могла сдержать, как не пыталась, выдавало неимоверные страдания совсем ещё молодой женщины. Император даже не

пытался расположиться для сна в своей спальне, знал, что не заснёт до тех пор, пока не родится его ребёнок. Он сразу уверовал, что это будет сын, его наследник и уже приготовил имя для мальчика. Положение осложнялось ещё и тем обстоятельством, что император и его супруга находились не в одном из своих дворцов, а во дворце Бернардо, герцога Бенаvente, принимавшего их в Вальядолиде. Император Карл находился в этом дворце не в первый раз, да и гостеприимный Бернардо, гордый тем, что принимает у себя императорскую чету в столь важный момент, отвёл им лучшие покои, старался, чтобы они чувствовали себя как дома. Но всё же это был не их дом.

Для императора Карла передвижения из дворца во дворец, из города в город, из страны в страну обширной Священной Римской Империи являлись привычным, обыденным делом, но для Изабеллы в её состоянии в переездах таилась опасность. Император уже который раз пенял себя за неосмотрительность по отношению к супруге, за повеление прибыть в Вальядо-

² Инфант, инфанта – в Испании и Португалии принц, принцесса королевской крови, не являющиеся наследниками престола.

лид. Спокойнее и безопаснее для ожидающей дитя Изабеллы было разрешить ей оставаться в Гранаде. Но Карл, прибывший сюда присутствовать собственной персоной на заседаниях Кортесов³ Кастилии, желал видеть Изабеллу рядом. Причиной призыва императрицы в Вальядолид, в которой он довольно смутно отдавал себе отчёт, являлось подспудное, едва осознаваемое желание того, чтобы его первый ребёнок родился в этом городе.

Вальядолид всегда являлся одним из основных городов страны. Здесь сочетались браком его дед и бабка по матери, Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская. В результате слияния их владений произошло естественное объединение практически всей Испании.

Долгожданный момент, наконец, настал. Карл немедленно направился к кровати, на которой лежала бледная, полуживая Изабелла. Главный из врачей, руководивших родами государственной важности, вручил императору драгоценный свёрток – его новорождённого сына и наследника, завернутого в тончайшие батистовые пелёнки, шёлковые одеяльца, отделанные великолепной работы кружевом. Император Карл бережно принял на руки свёрток и взглянул на крохотное личико сына. Младенец вдруг приоткрыл глазки, поглядел на отца, соорудил гримаску, в которой императору показалось нетерпение и беспокойство. Или это было страдание? Император Карл запеспокоился, но в следующий момент гримаска исчезла с крошечного личика и младенец, закрыв глазки, заснул на руках отца.

– Мой сын, наследник, будущий король Испании и император Священной Римской Империи. Мы нарекаем Вас Филиппом, в честь Вашего деда и моего отца – короля Кастилии и Герцога Бургундского Филиппа, по прозвищу Красивый.

Карл чуть приподнял младенчика на руках:

– Его Высочество, наследный принц Испании и Священной Римской Империи Филипп. Храни его, Господи.

– Храни его, Господи, – эхом повторили за императором все присутствовавшие и склонились в глубоком поклоне или реверансе. Карл отдал младенца на попечение врачей и нянек, поцеловал Изабеллу, обессиленную настолько, что, невзирая на невероятные старания держаться с достоинством и невозмутимостью, она едва воспринимала происходящее, и вышел из просторной комнаты, обливаясь потом и изнывая от сводящего с ума зноя.

Май, казалось, должен был принести приятное тепло и умеренную влагу, но принёс нестерпимую, сухую жару. От неё едва спасали перенятые из Италии прохладные ванны с душистыми лепестками цветов, веера и опахала. «Весна закончилась раньше времени, лето, наверное, будет знойным. Это может быть опасным для маленького Филиппа. Необходимо выписать ещё несколько придворных врачей», – император Карл устало шёл в свои покои отдать приказ о посылке гонцов во все концы Испании разнести радостную весть народу.

Император ещё до рождения ребёнка решил: если родится мальчик-наследник, он будет воспитываться здесь, на испанской земле, как будущий король Испании, в отличие от него самого, родившегося и выросшего в Нидерландах. Когда он, уже взрослым молодым человеком, первый раз прибыл в Испанию увидеть свою мать – королеву Испании Хуану, которую почти не помнил и о которой говорили, что она, по всей вероятности, тронулась рассудком, он не знал ни слова по испански. Его решение было своеобразной данью испанским кортесам, которые с подозрением отнеслись к прибывшему из Брюсселя Карлу, не знавшему их языка. А испанский он быстро выучил, ведь в его жилах текла кровь Филиппа, Герцога Бургундского и Хуаны Арагонской, знавших по несколько языков.

Отдав все необходимые распоряжения об устройстве празднеств по всей Испании, Карл, валясь от усталости и изнывая от душной жары, отправился отдохнуть.

Было около четырёх часов пополудни.

³ Кортесы – региональные сословно-представительные собрания. Предшественники парламента. Иногда существенно ограничивали власть короля.

Брюссель, Нидерланды. 1549 год.

На Брюссель постепенно опускались апрельские сумерки, но день, казалось, только начинался, так светло было от неисчислимых, горящих на улицах и стенах домов, факелов по всему пути следования торжественной процессии. Улицы, дома, окна и специально сооружённые для знаменательной okazji триумфальные арки украсили гирляндами, букетами из всевозможных цветов, доставленных из Фландрии, Брабанта, Голландии, Зеландии, Фрисландии – из всех земель Нидерландов. Знающие нидерландские садовники продемонстрировали граничащее с волшебством умение, посадив и привив на всём пути уже цветущие, источающие аромат фруктовые деревья и фигурно подстриженные кусты. Тяжёлые стяги, небольшие флаги, хоругви, знамёна с родовыми гербами знатнейших фамилий Испании и Нидерландов трепетали на ветру. Население блистательного Брюсселя – празднично разряженное, ликующее – пришло приветствовать знатных гостей.

Одетый в красный бархат с золотым и серебряным шитьём, он неспеша ехал на белоснежной лошади в окружении бесчисленной свиты, походившей на шлейф плаща или накидки, конца которого не видно – весь его двор и брюссельские сопровождающие. Он въезжал в ослепительный Брюссель, приготовивший ему незабываемую встречу. У входа во дворец его встречали две его тётки – Мария Венгерская⁴, наместница Нидерландов и Элеонора⁵, королева Франции. Во дворце он наконец-то увидит своего порфириносного отца-императора, с которым не виделся без малого шесть лет. Филипп Габсбург, наследный принц испанской и императорской корон, уже более года находился вдали от любимой Испании. Принца Филиппа, молодого человека среднего роста, скорее сублильного, но пропорционального сложения, светловолосого и голубоглазого, можно было бы назвать красивым, если бы не выступающая нижняя челюсть – принадлежность многих из королевского рода Габсбургов.

На таком длительном путешествии по землям Священной Римской Империи: Германии, Италии и Нидерландам настоял его отец, император Карл V, находившийся то в Германии, то в Нидерландах, то в Италии. Постоянных разъездов требовали дела обширного государства, да и не представлял себя деятельный, подвижный император сидящим в одном городе. В письмах к сыну император заявил: принц Филипп просто обязан ознакомиться с землями империи, которыми он рано или поздно будет править. И дело это, так и этак намекал отец, не такого уж далёкого будущего. К Филиппу в Испанию доходили вести о резко пошатнувшемся здоровье отца, «Божий знаменосец» дорого заплатил за постоянные войны с турками и знаменательную победу над лютеранами при Мюльберге. Эти известия огорчали принца. В двенадцать лет он потерял горячо любимую мать и, так же как отец, долго не мог оправиться от потрясения. В восемнадцать его жена покинула этот мир после рождения их сына, Дона Карлоса, едва успев подержать на руках крошечное тщедушное тельце. Принц Филип не испытывал страстного чувства к своей жене, Марии Португальской. Не блиставшая несравненной красотой, она, однако, оказалась мягким, неглупым созданием, любившим наряжаться. Как в своё время его мать, инфанта Мария принесла с собой в качестве приданого немалую толику богатств португальских королей. Принц относился к ней терпимо, даже дружелюбно, ему было горько потерять Марию. Он стоял мессу за мессой, возносил молитву за молитвой, прося всещедрого Господа вдохнуть побольше сил в слабенькое тельце сына.

⁴ Мария Венгерская или Мария Австрийская (1505 – 1558) – принцесса из династии Габсбургов, дочь Филиппа Красивого и Хуаны Безумной. Королева-консорт Венгрии и Богемии (Чехии) в 1515 – 1530, штатгальтер Нидерландов в 1531 – 1555.

⁵ * Элеонора Австрийская (1498 – 1558) – принцесса из династии Габсбургов, дочь Филиппа Красивого и Хуаны Безумной. Королева-консорт Португалии в 1518 – 1521. Королева-консорт Франции в 1530 – 1547

Теперь он боялся за отца. Филипп любил свою семью – сына, сестёр Марию и Хуану, правда побаивался сумасшедшую бабушку Хуану, коротавшую дни в Тордесильясе, в монастыре Святой Клары, но формально всё ещё являвшуюся королевой Испании по упрямому настоянию кортесов. Редкие, но обязательные визиты к ней принц сводил к необходимому минимуму, ни минутой больше не задерживался у этой старой, странной женщины, которая то не обращала на него никакого внимания и, вероятно, не знала, кто он такой, то с интересом разглядывала и будто хотела заговорить. В такие моменты Филипп чувствовал себя особенно неловко: пристальный взгляд её мутных глаз казался ему тяжёлым, принц невольно внутренне съёживался и как можно скорее покидал покои сумасшедшей.

Отца принц Филипп боготворил, старался явить себя послушным сыном, не желая его разочаровывать, внимательно прислушивался к мнению императора, управляющего землями с разными обычаями и языками, опытного политика и воина. Поэтому, как не жаль было принцу покинуть милую сердцу Испанию и маленького сына, он не посмел гневить отца отказом, поступился и протестами кортесов, требовавших присутствия в Испании если не короля Карла, то хотя бы принца Филиппа. Отец прав, Филипп должен знать о своих будущих землях не по наслышке. Принц Филипп печалился о скорой разлуке с Доном Карлосом, но в то же время, присущее ему с детства любопытство и предстоящая встреча с отцом влекли его в неизвестные земли. Перед поездкой, по приказу императора Карла, Филипп существенно увеличил число придворных, заменил гордые, достойные, но, в сущности, простые манеры испанского двора на пышные и вычурные, черезчур вычурные, считал Филипп, обряды старой Бургундии, по коим жил ещё его дед, Герцог Бургундский Филипп, и до сих пор жили в Брюсселе.

В сопровождении многочисленной свиты принц Филипп отплыл в Италию, посетил Геную и Милан. По указанию императора, Филипп уделял время официальным приёмам, знакомству с итальянской знатью и городскими правлениями. Но большую часть дней занимали развлечения: пиры сменялись балами, балы – турнирами, турниры – представлениями театральных трупп, театральные представления – снова пирами. Более всего наследного принца поразили своей чувственной красочностью балы – маскарады, устроенные в его честь обоими городами. Все приглашённые скрывали свои лица под масками: одни под причудливо-красивыми, другие под смешными или вычурными. Пользуясь этой сомнительной неизвестностью, пришедшие на маскарады оделись в весьма вольные, разнузданные костюмы. Несравненная красота итальянских женщин, прихотливое изящество их нарядов и манер покорили двадцатидвухлетнего принца. Пренебрегать формальными обязанностями принц Филипп считал себя не в праве, но он отказался от развлечений ради одной чрезвычайно важной для него встречи. Он пригласил в Милан художника, которому поклонялся, жаждал всем сердцем лично лицезреть, который иной раз подписывал свои работы одним лишь именем – Тициан. Перед встречей принц Филипп волновался, не находил себе места, думая, как найти некое равновесие между преклонением перед прославленным живописцем, не новичком в высоком обществе, и величием наследника испанской короны и императорского престола, коему подобало держаться не столько дружелюбно, сколько величаво и снисходительно. Принц Филипп пенял себя: слишком много времени и мыслей он уделяет предстоящей встрече, но ничего не мог с собой поделать, снова и снова возвращался к не оставлявшим его думам. Кратковременность встречи не помешала Филиппу впечатлиться изысканными светскими манерами стареющего мастера. Его чёрные строгие одежды напомнили Филиппу о цвете, к коему его с детства приучала мать, вновь и вновь повторяя: именно чёрный цвет является самым элегантным, благородным, угодным Господу нашему и потому предназначен для особ королевской крови, знати и истинных католиков. Под новизной ярких ощущений пребывания в Италии, Филипп подзабыл о нём, одевался вычурно и роскошно, обильно украшал себя драгоценностями.

Испанский принц просил итальянского живописца о следующей встрече в Брюсселе или Аугсбурге, где синьор Вечеллио мог бы написать его портрет. Филипп сразу заявил, он

не поскупились и щедро вознаградит за работу – был заранее осведомлён о том, что великий Тициан Вечеллио неохотно выезжает из своей любимой Венеции, а уж тем более из Италии.

После Италии пришла очередь германских княжеств и Люксембурга. Его восхитили регулярно вычищаемые улицы городов и аккуратные домики горожан, удивила обильность возлияний и трапез, граничащих с обжорством и без итальянского изящества. Сколь же много здесь было последователей презренного еретика Лютера! Обстоятельство, о котором Филипп знал, но которое, тем не менее, при близком его созерцании, неприятно поразило. В душе католического принца бушевало негодование, но он старался держаться величественно-бесстрастно среди богато и дружелюбно принимавших его германских и люксембургских принцев-вассалов. Если уж «Божий знаменосец» как-то ладит с ними, то должен постараться и он.

В брюссельском королевском дворце принц Филипп, наконец-то, заключил отца в крепкие объятия после шестилетней жизни в разных концах их обширных владений, он почувствовал такие же крепкие объятия отца. По случаю торжественной встречи сына-наследника и его двора император появился во всём своём великолепии – в серебряных доспехах и императорской мантии. Вместе с сыновними чувствами к отцу после столь долгой разлуки Филипп испытывал благоговейный трепет перед величием порфириноносца. Праздничный роскошный пир продолжился до глубокой ночи, но на следующий же день принц отправился на официальную аудиенцию у императора Карла, с присутствием его и императора придворных. Наследный принц и император обсудили дальнейшее путешествие Филиппа. Император Карл предложил принцу, и Филипп безоговорочно согласился, после пребывания в Брюсселе, объехать все нидерландские земли – провинцию за провинцией, сначала южные, затем северные.

3

Мария Венгерская, вдова короля Венгрии и Богемии, наместница Нидерландов от имени и по настойчивой прозьбе своего брата императора Карла, пригласила племянника погостить в её небольшом дворце неподалёку от Брюсселя. Филипп с радостью согласился отдохнуть от увеселений, пиров и турниров в тихом местечке у тётки. Мария Венгерская тоже дала званные обеды и балы в его честь, дабы наследник всех престолов не скучал, но немало мирных, спокойных вечеров они провели вдвоём за беседами о литературе, живописи, музыке. Здесь принц Филипп, всё ещё вспоминая пребывание в Италии, вновь читал и вновь восхищался «Божественной Комедией» Данте Алигьери, проходил с Данте и Вергилием по кругам Ада и Частилища, с Данте и Беатриче по райскому царству Света. Принц с удивлением обнаружил, что тётка его оказалась весьма экономной: она не выстроила себе нового дворца, а приспособила старинную крепость, перестроенную по её указанию в удобную, уютную обитель. Внутри она устроила залы, спальни и кабинеты с таким изящным вкусом, что Филипп, осматривая зал за залом, заметил себе: по возвращении в Испанию ему следует украсить испанские дворцы подобным образом. В отведённых для него покоях тётка Мария повесила живописные работы нидерландских мастеров прошлого из своей коллекции и среди них – прекрасный алтарную картину кисти Рогера ван дер Вейдена, изображавшую снятие распятого Иисуса с Креста⁶. Она заметила любовь Филиппа к литературе и всем прекрасным искусствам. В беседах с принцем её догадка подтвердилась: он обожал живопись, внимательно изучал и сам пробовал писать, его фаворит – несравненный Тициан. Принц до сих пор находился под неизгладимым впечатлением, произведённым на него живописцем и ждал нового свидания для обсуждения заказов. Мария Венгерская поведала как ей посчастливилось заполучить сразу полюбившуюся алтарную картину: она соблазнила владевшую ван дер Вейденом церковь в Лёвене отличным орга-

⁶ Мнения об этой работе Рогера ван дер Вейдена расходятся. Одни полагают, что «Снятие с Креста» является целостной картиной, другие – что это часть триптиха. Находится в музее Прадо в Мадриде.

ном, в котором священники как раз нуждались, и заказала для них копию картины у Михеля Кокси⁷, он выполнял отличные копии.

Изящно-удлинённые фигуры, коих уже практически не писали, неизбывное горе на лицах, эпические позы библейских персонажей в многофигурной композиции, изломанные, одинаково изогнутые бессильные тела Иисуса и Девы Марии, ясные, сочные цвета, шёлковая гладкость поверхности в сей же миг взяли принца в прекрасный плен. Библейская трагедия отзывалась замиранием в сердце. Слёзы в глазах святых казались настоящими живыми слезами, которые вот-вот покатятся по картине. Не сопереживать невозможно; он невольно, не замечая того, сложил ладони в молитвенном жесте. Шедевр знаменитого художника знали везде в Нидерландах, теперь принц Филипп созерцал его с благоговением и думал заказать себе в Испанию копию. У Михеля Кокси, он уже копировал работу... или у Яна ван Скорела⁸. Он не только великолепный художник, но и священник. Вероятно поэтому Гент обратился к нему подправить и освежить свой драгоценный алтарь братьев ван Эйк.

Его порфиноносный отец, скорее по обычаю и требованиям, приличествующим императорскому окружению, чем по собственному желанию, наполнял двор отменными музыкантами, художниками и поэтами, когда задерживался подолгу в одном городе. Сам же император, занятый войнами и борьбой с еретиками, постоянно передвигавшийся из страны в страну, всё время находившийся в пути, уделял мало внимания литературе и живописи, архитектура интересовала его более всего в виде крепостей. А вот коллекция оружия и вооружения у императора Карла выше всяких похвал. Ещё, как ни странно, император коллекционировал часы. Портреты свои и своей супруги он заказывал преимущественно несравненному венецианцу.

Сестра императора, Мария Венгерская, напротив, поклонялась и покровительствовала искусствам. Во время бесед с принцем приглашённые Марией музыканты играли пассажи, сочинённые и разученные специально к приезду наследника и посвящённые ему. Она представила принцу живописцев, работавших при дворе, среди них Михеля Кокси, украшавшего её дворец, выполнявшего для неё копии с известных картин и портретиста Антониса Мора⁹, привезённого в Брюссель епископом arrasским де Гранвелем. Этих двух художников Мария рекомендовала принцу, как превосходных мастеров. Принц Филипп увидел портрет де Гранвеля, только законченный Антонисом, и отметил себе, что рекомендации тётки основаны на прекрасном знании живописи. Принц с любопытством осматривал коллекцию Марии Венгерской, львиную долю её составляли нидерландские картины. Принц впервые видел такое множество работ нидерландских художников, собранных вместе. Они не походили на картины итальянских мастеров, перед которыми принц Филипп преклонялся. От нидерландских картин исходило особое достоинство, не чувственность, но чувствительность. Ясность и глубина красок, атласно-гладкие поверхности, законченность и точность исполнения до самой последней бусинки украшений, рассматривай её даже с увеличительным стеклом (так их, вероятно, и выписывали, думал Филипп), покорили принца. Картины и алтарные триптихи излучали благость, Филиппу казалось, он находится в Божием Храме, возникал порыв, как перед работой ван дер Вейдена, сложить руки будто в молитве. Таково было его первое знакомство с Нидерландами и ему ещё предстояло объехать все провинции неведомой земли. Предстоящее путешествие волновало принца чрезвычайно. Из этих земель родом его легендарный дед, в честь которого принц Филипп наречён, и боготворимый отец. Вряд ли, поэтому, отец ощущал себя испанцем настолько, насколько он, Филипп, ощущал себя, хотя в венах отца текла и испанская кровь.

⁷ Михель Кокси (1499 – 1592) – нидерландский художник, копиист и дизайнер гобеленов.

⁸ Ян ван Скорел (1495 – 1562) – видный нидерландский художник и священник позднего Возрождения.

⁹ Антонис Мор (1519 – 1576) – нидерландский художник, ученик Яна ван Скорела. Работал преимущественно как портретист.

В одной из комнат принц Филипп обнаружил картины, отозвавшиеся в нём, особенно в сравнении с виденным ранее, недоумением, ироничной ухмылкой и каким-то неодобрением. Одни изображали буйное веселье и пляс, другие – слепых или хромых. А иные – сценки обычной городской жизни: горожанин-простофиля, разинув рот, во все глаза смотрит на трюки ловкача-шарлатана, не замечая, что его мешочек с деньгами переключивал в руки вора. На мгновение принц ощутил себя участником сценки, находящимся среди наблюдавших за действием. Филипп непроизвольно, сам того не замечая, усмехнулся. Когда же заметил и спохватился, поразился тонкой наблюдательности художника. Он нахмурился, увидев изображение монахини в толпе наблюдавших, да и одежда вора напоминала костюм доминиканского монаха. Наблюдательность наблюдательностью, но всё же... Вскоре любопытство, вызванное необычностью сюжетов и исполнения, пересилило первичное отрицание.

Следующая работа, триптих, была закрыта, на внешних створках странник в драных лохмотьях и с печальным лицом шёл своим путём, отгоняя злую собаку. По одну сторону от путника – веселье и пляс, по другую – разбойники грабят прохожего. «Блудный сын или просто странник? – Спросил себя Филипп, – сразу не угадать, что хочешь то и думай». Жестом руки он приказал раскрыть створки. Беспорядочная толпа, изображённая на средней панели заставили Филиппа несколько отступить. Но в следующую минуту он, напротив, прильнул к картине, внимательно и с напряжением, исходящим от картины и передаваемым Филиппу, принялся разглядывать скопление фигур в средней части триптиха. Большую повозку с сеном везут не лошади, а отвратительные, фантастические гибриды рыб, людей, зверей и вещей, и, кажется, везут прямо в Ад, изображённый на правой створке. Но никто этого не замечает. У стога толпятся люди всех сословий и занятий, каждый стремится пробраться поближе к повозке и набрать себе сена, безжалостно отталкивая остальных. Вокруг кипит жизнь во всём её разнообразии: участники действия готовят еду и питьё, танцуют и поют, убивают и грабят, ожидают и воспитывают детей, обманывают и жульничают. На стоге восседает любовная пара, слушает музыку, играемую для них диковинным существом на инструменте, созданном из его собственных губ, и никто не обращает внимание на стоящего в стороне ангела. Ад на правой створке суров и страшен. Адская башня с узниками внутри принимает всё новые и новые жертвы. Грешники мучимы беспощадными монстрами. В верхней части панели – адское пламя. Пламя также походило на сильный пожар в городе. Даже Рай на левой створке – не благодать. Падающие с небес ангелы тут же превращаются в гигантских насекомых, Первая Пара принимает от змея яблоко, а затем изгоняется из Рая. Чудовища, нагромождения и суета в каждой части триптиха отвратительны... и в то же время жутко притягательны, настолько притягательны, что невозможно оторвать взгляда. перебегающего с одной створки на другую Принцу Филиппу хотелось рассмотреть каждую нелепую фигуру, каждое чудовище, каждую подробность...

– Это копия, – будто издали послышался голос Марии Венгерской, вернувший Филиппа из странно-фантастического мира в действительность, – оригинал, вероятнее всего, находится сейчас в Испании.

Принц Филипп, не произнеся ни слова, бросил на тётку вопросительный взгляд. Мария, во всём облике которой до сего момента ощущалось скрываемое ею напряжение, пустилась в объяснения, ободрённая интересом принца.

– Копия картины знаменитого художника прошлого Иеронима ван Акена или Иеронима Босха, как его ещё называют оттого, что он жил и работал в брабантском Хертогенбосе и как он сам себя называл.

В памяти Филиппа в ту же минуту возник образ картины этого художника, висевшей в одной из комнат дворца в Вальядолиде – благочестивое изображение Распятия Иисуса и оплакивающих Христа святых. Он помнил картину, помнил как любовался прекрасным, тонко выписанным пейзажем на дальнем плане. Она осталась ещё от его прабабки, католички Изабеллы Кастильской. То, что он видел перед собой сейчас решительным образом не похо-

дило ни на картину в Вальядолиде, ни на одну нидерландскую картину из виденных здесь и в императорском дворце в Брюсселе. Будто это вовсе писал совсем другой художник, совсем другой человек, хотя общий стиль и манера, в которой написаны фигуры был сопоставим с вальядолидской картиной.

– Это не единственная копия картины, – принц снова услышал голос Марии Венгерской, – Иеронима Босха копировали ранее и продолжают копировать или использовать его сюжеты сейчас. Он популярен и ценим здесь не только за великолепную живопись, но и за необычные темы. Ваше Высочество, без сомнений, ещё увидит картины и копии Иеронима Босха в нидерландских домах.

Они вели беседу, стоя у привлёкшей внимание Филиппа картины, Мария сделала рукой приглашающий жест в сторону резных кресел из экзотического красного дерева и предложила продолжить разговор, устроившись в креслах, но принц не обратил на жест внимания, продолжал то рассматривать картину, то, иногда бросать взгляд на тётку.

– Ваше Величество упомянули об оригинале в Испании, – напомнил принц Филипп.

– Ах, в самом деле, – Мария Венгерская позволила себе улыбнуться, пересиливая снова возникшее напряжение, вызванное обращением принца.

Несмотря на её титул королевы, ранг наследника множества корон и титулов стоял гораздо выше. Уж лучше бы принц называл её «милостивая государыня», как он изредка обращался к ней. В неизменной вежливой учтивости принца Мария ощущала некую натянутость, каковую она списывала на молодые годы и старание держаться невозмутимо, снисходительно, как, полагал Филипп, должен держаться наследный принц.

– Оригинал картины может находиться в Испании. Я знаю, он когда-то принадлежал Диего де Геваре, придворному Его Величества императора Карла. Дон Диего де Гевара достался нам от бургундцев. Он служил ещё Марии Бургундской, затем вашему деду и моему отцу – Герцогу Бургундскому Филиппу, какое-то время находился при моей матери, а дослуживал у молодого Карла здесь, в Брюсселе, – в пылу разговора, увлёкшего Марию, она не заметила как назвала своего венценосного брата просто по имени, Филипп сделал вид, что тоже не заметил, но не забыл мысленно похвалить себя за снисходительность, – здесь де Гевара и умер. Он заслужил пышные похороны, где присутствовал император Карл. Коллекция перешла к его сыну Филиппу де Геваре, а он, кажется, женился в Испании и перебрался туда. Здесь он не достиг высокого положения его отца. Его называли Филиппом в честь Вашего деда и моего отца, Герцога Бургундского и короля Кастилии Филиппа, как и Ваше Высочество.

– Филипп де Гевара... Фелипе де Гевара его называют в Испании, я знаю это имя. Он служит одним из советников, – Филипп задумался, пытаясь припомнить придворного, но так и не вспомнил, да и при дворе ли он?

– Дон Диего де Гевара коллекционировал живопись, – продолжала Мария Венгерская после того, как принц Филипп замолчал, – покупал, перекупал, сам заказывал картины. Он владел значительной коллекцией работ нидерландских художников. Ваше Высочество, наверняка, помнит висящую в одном из залов небольшую, совершенно очаровательную работу Яна ван Эйка – молодую пару из семьи торговцев и банкиров Арнольфини, написанную им в коричневых, красных и зелёных тонах.

Принц Филипп ответил чуть заметным кивком, смотря в упор на тётку, заинтригованный её повествованием. Тётка Мария права, мысленно согласился с ней Филипп, эта работа ван Эйка и в самом деле очаровательна. Он, наконец, изволил пройти к креслам, не забыл об учтивости, предложил Марии присесть первой. Беседа продолжалась более непринуждённо. Мария Венгерская видела, племянник не просто вежливо слушает, не слыша при этом не слова и находясь в своих мыслях, а следует её рассказу, смотрит прямо на неё, даже чересчур пристально. Немногословность принца не смущала её. От брата-императора Мария знала: в отличие от разговорчивого, а иногда и болтливого Карла, наследный принц Филипп молчалив и задумчив.

– Она тоже из коллекции Диего де Гевары. Он преподнёс драгоценную доску в подарок моей тётке и предшествующей наместнице Нидерландов Маргарите Австрийской¹⁰ в десятую годовщину смерти отца, герцога Филиппа. От Маргариты картина перешла ко мне. Я росла при дворе Маргариты, помню её Святого Антония кисти Босха. По её словам и отец, Герцог Бургундский Филипп, что-то заказывал Босху или покупал его картины. Не исключено, что отец лично встречал художника, как и Диего де Гевара.

Мария почувствовала досаду: последние слова увлекательного для принца повествования о прошлом выглядели будто она оправдывается за владение Босхом, и ещё большую досаду оттого, что так оно и было. Готовя коллекцию к прибытию наследника, Мария долго решала, вывешивать или нет всего Босха. Воспитанный португальской матерью в строгой, бескомпромиссной Испании, принц Филипп мог спешно обвинить её если не в ереси, то в недостаточно сильной вере. «Божий Знаменосец» нет-нет, да и выговаривал ей, но одно дело – зрелый «фламандец» Карл и совсем другое – молодой «испанец» Филипп. В душе она испытывала гордость коллекционера за прекрасные картины и копии с самобытного, ни на кого не похожего живописца, высоко ею ценимого. Его работы казались Марии наполненными столь богатым смыслом, столь многочисленными аллегориями и символами! Сам Иероним Босх не смог бы разгадать все загадки и тайны своих картин, так они многосмысленны. Одни превозносили художника до небес, другие клеймили мрачным еретиком, третьи называли безбожником, а работы его до сих пор копировались и копии пользовались спросом.

При последних словах Марии Филипп встал и снова подошёл к картине:

– От неё веет напряжённым беспокойством и суетливостью. Это триптих, поэтому, казалось бы, должен предназначаться для алтаря. Но на алтарь такое не поместишь. Создаётся ощущение, что весь мир движется в Ад.

– Центральная часть иллюстрирует известную здесь присказку о том, что все земные блага – просто ничего не стоящее сено, но каждый пытается набрать как можно больше, отталкивая остальных. Это резкая сатира. Художник проклинает алчность, которая может привести к преступлениям. Кроме того, до Босха я ни разу не видела иллюстрированных поговорок, – пояснила Мария Венгерская. Ей также пришлось встать и вслед за принцем пройти к картинам.

Принц Филипп молча кивнул, ничего не сказав. Он пока ещё не знал, что сказать, настолько странными были картины, а произносить слова не обдумав и взвесив их предварительно, было не в его правилах, отчего его речь казалась медлительной.

Мария Венгерская заметила изменившееся настроение принца и тотчас предложила:

– Не пожелает ли Ваше Высочество пройтись по саду перед ужином, полюбоваться цветами?

– Я, пожалуй, предпочту конную прогулку.

– Как соизволит Ваше Высочество. Я распоряжусь снарядить лошадей. Сама же, с Вашего позволения, займусь приготовлениями к ужину.

– Как Вам будет угодно, государыня.

На конной прогулке, совершаемой принцем без свиты, в сопровождении только нескольких испанцев, его не оставляли мысли о недавно увиденном и услышанном от тётки. Он готов согласиться, картины сатиричны. Но настолько злы и гротескны, что граничат с еретизмом. Там и в помине нет благостности и скрупулёзного исполнения ван Эйка или ван дер Вейдена. Упоминание Марией Венгерской его деда и двоюродной бабки, якобы владевших Босхом, заставили принца Филиппа крепко задуматься. Какими же картинами владел его дед, герцог Филипп? Похожими на картину Изабеллы Кастильской? Или на те, что он только что видел здесь? Изображения Святого Иеронима и Святого Антония, что он лицезрел, идут вразрез

¹⁰ Маргарита Австрийская, по мужу Герцогиня Савойская (1480 – 1530) – дочь Максимилиана Габсбурга Австрийского и Марии Бургундской, младшая сестра Филиппа Красивого.

с общепринятыми. Лица святых отшельников не благостные, они не благословляют смотрящего. Святые сосредоточены и чуть напуганы. И есть от чего: всё пространство вокруг кишит дьявольскими искушениями. Кажется, что святые погружены в отчаянную борьбу, пытаются преодолеть их изо всех сил, а до смотрящих на картину им нет никакого дела. Босх изобразил Святых Иеронима и Антония, как если бы они были простыми людьми. Вернее всего, двоюродная бабка Маргарита Австрийская владела похожим изображением святого Антония, о нём упоминала Мария Венгерская. Может статься в их время они воспринимали всё по иному?... Нет. Божественное есть Божественное а ересь есть ересь во все времена. Но что бы он не говорил и не думал, каждая картина подолгу держит подле себя, заставляет вглядываться, а затем вдумываться. Первой и последней мыслями о странных творениях Босха, отчего он понимал деда и бабу, были: творения эти страшно притягательны, не менее, чем картины ван Эйка или ван дер Вейдена, а может быть – более. Зло притягательно?! Как притягательно! Что за художник Иероним Босх, взявший своей фамилией название своего города Хертогенбоса?

4

Хертогенбос, Брабант, Бургундские Нидерланды. 1477.

Резные башни и острые шпили массивного, доминирующего над Хертогенбосом Собора Святого Иоанна Евангелиста, страдающего от всякого пожара и оттого вечно достраиваемого и перестраиваемого, взвились в небо так высоко, что паломникам и путникам приходилось глубоко запрокидывать голову, если они хотели разглядеть его каменно-кружевную резьбу.

Утренняя месса и следующая за ней молитва закончились, даже самые рьяные молящиеся, возносящие хвалу Господу и Святым или просящие у них милости и снисхождения, уже покинули Божий Храм. Однако главная церковь города не опустела: мастеровые строили очередную башню, священники обихаживали храм и готовились к следующей мессе, художники расписывали собор, мастера стеклянных витражей трудились над цветными окнами. То и дело слышались одобрительные возгласы похвалы или снисходительно-сочувственные междометия, если работа вдруг не заладилась. Лет пятнадцать назад в Хертогенбосе или Ден Босе, как называли свой город его жители, случился страшный пожар, сожравший в адском пламени едва ли не половину города. Сильно пострадал и главный городской собор. Старожилы Ден Боса в один голос повторяли, что ничего более жуткого им в своей жизни видеть не приходилось. Казалось, что Всевышний после Потопа покарал грешный род людской Огнём и Огонь этот есть ни что иное как начало Конца. Конца Света.

– Эти лики прекрасны, мастер Адриан. Bravo. Некоторые неуловимо напоминают нашу древнюю статую.

– Так и задумано, Иероним. Да, лики получились превосходно, – согласно кивнув головой, похвалил себя довольный Адриан, но тут же, спохватившись, заметив, что похвала самому себе слегка вышла за рамки скромности, добавил, – иначе и быть не могло. Ваша чудотворная статуя Святой Богородицы известна в Брабанте, да и во всех Нидерландах о ней знают. Источаемая ею благодать излила на меня вдохновение. Часть её Святости – на моих изображениях, – Адриан сложил руки в молитвенном жесте и благоговейно поглядел в сторону статуи.

Адриан верил в то, что говорил. Небольшая деревянная, несколько даже неказистая статуя Мадонны принадлежала состоятельному Братству Святой Богородицы, основанному в Хертогенбосе в прошлом веке священниками и знатными горожанами, чтившими Богородицу. Постепенно общество приобретало известность. Вступить в хертогенбосское Братство приезжали из других городов нидерландских земель. Появились в Братстве и знатные особы. Общество, почитавшее Богородицу разрасталось, а внутри его образовался элитный круг – Лебеди-

ное Братство, названное так оттого, что символом своим Братство Пресвятой Богоматери выбрало лебедя. Грациозная птица означала чистоту и милосердие, её, как известно, любила Дева Мария. Правда, римляне в старинные времена связывали эту птицу с Венерой, но христиане – не язычники. Братства и Сёстры содержали в Соборе собственную часовню, посвящённую Пресвятой Богоматери. Часовня, как и весь Собор, непрестанно украшалась.

С этой целью Братство заказало статую Богоматери мастеру, имя которого уже никто не помнил¹¹. Слава о чудесной статуе, распространяющей временами Божественную Благодать, разошлась по Нидерландам. Посмотреть на неё и вознести молитву приходили паломники, путешественники, священники всех рангов и визитёры города из благородного общества. В Соборе хранилась и старинная книга, повествовавшая о чудесах, произошедших с горожанами или паломниками, на которых излилась чудодейственная сила статуи. Адриан, отличавшийся набожностью, но при этом никогда не забывавший воздать должное своей персоне, по приезде в Хертогенбос, тоже отправился лицезреть знаменитую Мадонну и испросил у неё вдохновения перед началом работы в соборе.

– Ваш резец тоже внёс свою лепту, мастер Адриан.

– Спасибо, Иероним. Твоя похвала много значит для меня.

Уже несколько месяцев два мастера работали бок о бок, выполняя заказы собора. Адриана ван Весела¹², прославленного резчика по дереву из Утрехта, пригласили изготовить несколько многофигурных резных композиций для алтаря, главным образом из жизни Святой Богоматери. Один из священников собора поведал Адриану их страхи потерять чудотворную статую, если опять случится пожар. Когда Адриан приступил к работе, его резец, казалось, сам собой выявлял черты, слегка напомилавшие деревянную статую. Работа резчика в соборе подходила к концу, он собирался вскоре покинуть Хертогенбос и отправиться в Антверпен, где его уже ждал следующий заказ для одной из антверпенских церквей. Адриан ван Весел был небольшим, пухлым человеком средних лет с округлым, добродушным лицом, светящимися карими глазами и тёмными пышными волосами с серебрянными нитями седины. Его добронравие и боголюбие отражались в его работе: фигуры, лица и позы отличались особой одухотворённостью.

Здесь Адриан встретил Иеронима ван Акена – талантливого, становившегося весьма популярным художника из семьи потомственных живописцев. Его отец, Антониус ван Акен, возглавлял известную в городе семейную мастерскую, где работали и старшие братья Иеронима – Гуссен и Ян. Однажды в порыве откровенности Антониус признался Адриану: он считает Иеронима самым талантливым из своих сыновей, хотя Гуссен и Ян вполне добротные живописцы. Адриан мысленно согласился с Антониусом. Прославленный мастер предрекал приобретающему известность художнику большое будущее, успех в Нидерландах и за пределами. Снующие мимо священники, мастеровые, взглянув на эту беседующую пару, прятали смеющиеся глаза и сдерживали усмешку. Полноватый ван Весел глядел снизу вверх на высокого, сухощавого, но крепкого Иеронима ван Акена. Адриану нравилось его обрамлённое светлыми, чуть вьющимися волосами, резковато очерченное лицо с прямым носом, тонкими губами и серо-голубыми глазами, задумчивыми и умными, отчего он казался несколько старше своих лет. «Ему около тридцати или чуть за тридцать, сразу и не скажешь», – предположил Адриан, когда впервые увидел Иеронима. Оба мастера были в похожих рабочих туниках их грубого холста, одетых поверх рубах и перепачканных красками и маслами. Это обыкновение Иероним перенял у ван Весела, всегда аккуратно одевавшегося, бережливо относившегося

¹¹ Эта уникальная статуя мадонны чудом сохранилась до настоящего времени и до сих пор находится в хертогенбосском Соборе Святого Иоанна.

¹² Адриан ван Весел (около 1417 – около 1490) – ранненидерландский резчик по дереву, скульптор, художник. Жил предположительно в Утрехте.

к своей одежде. Молодой художник, никогда ранее не задумывавшийся над этим нюансом, нашёл привычку Адриана практичной, «меньше стирки для мачехи и сестёр».

Иероним писал библейский сюжет о поклонении Трёх Волхвов новорождённому Иисусу в одной из часовен собора, выполненный им уже больше чем наполовину. Его старшие братья, занятые в других церквях города, помогали ему время от времени. Адриан с вниманием и любопытством следил за творчеством молодого художника. В целом картина походила на изящную французскую книжную миниатюру, в несколько раз увеличенную. Иероним упоминал, что обучался украшению книг миниатюрой в родном городе Адриана Утрехте, где это искусство достигло совершенства. Утрехтские мастера книжной миниатюра славились на всю Европу. В то же время, сцена выходила непохожей ни на одну картину с распространённым, любимым художниками сюжетом, коих он повидал немало, из-за нескольких резких, злых лиц недоброжелателей в группе поодаль. Казалось бы, лица эти не должны выделяться, находясь не на первом плане. Но, напротив, резкие профили и фасы притягивали внимание, особенно если взгляд падал на них после рассматривания мирного, тонко и тщательно выписанного пейзажа и городского вида на дальнем фоне. Лица эти и выражения были настолько расхожими, что Адриану казалось – он видел эти лица среди горожан. Картина вызывала интерес Адриана, заставляла подходить ближе и подолгу её рассматривать. Мастер желал взглянуть на законченную работу, надеялся, что Иероним завершит заказ до его отъезда в Антверпен. Надежда виделась вполне осуществимой: священники поторапливали Иеронима, в этом же соборе художников ждала картина с сюжетом о сотворении мира, которую он только начал для алтаря в другой часовне.

Из уст Иеронима Адриан ван Весел узнал о том, что ван Акены выполнили немало работ для собора и других церквей Хертогенбоса, видел фрески, изображающие Распятие, Святых Петра и Павла, написанные ещё дедом Иеронима. Фрески, рассказывал Иероним, повредил тот самый страшный пожар, случившийся в Хертогенбосе, когда ему едва исполнилось четырнадцать. Весь город пострадал тогда от пожара, а драгоценная статуя Пресвятой Девы Марии чудом уцелела, её удалось спасти. Собор до сих пор латали и перестраивали, хотя прошло уже более десяти лет. Отцу и братьям пришлось подправлять повреждённые фрески. Иероним, посещавший латинскую школу и учившийся живописи у своего отца, тоже помогал чем мог: натирал пигменты для красок, мыл кисти, очищал палитры.

Разговоры о пожарах были вполне обыденными, слишком часто они случались. Но Адриан ясно видел: упоминание того страшного пожара в Хертогенбосе вызывало иной раз в Иерониме чувство беспокойства. Художник всё ещё видел тот пожар в своих снах. Разговоров, однако, было не избежать, последствия этого самого пожара устраняли мастеровые в соборе.

В августовские дни 1477 года от Рождения Иисуса Христа Хертогенбос пировал на карнавалах по случаю свадьбы их молодой правительницы Марии Бургундской и Максимилиана Австрийского, сына императора Священной Римской Империи. Торжественная церемония состоялась в Генте, пред алтарём, расписанным божественными братьями ван Эйк. Хертогенбосцы узнали важную новость в тот же день от заранее посланного гонца. Гонцов разослали и в другие города Герцогства Бургундского – весь народ должен праздновать знаменательное событие. Церкви и монастыри Хертогенбоса отслужили несметные мессы и песнопения за здравие молодой правящей четы, городское правление устроило ярмарки, гуляния, представления бродячих актёров, жонглёров и менестрелей. Горожане безудержно веселились, желали молодожёнам любви и наследников, оросились слезами счастья за свою обожаемую герцогиню. Папские инквизиторы-доминиканцы, в другое время воспротивившиеся бы такому неуёмному веселью, притихли, гадая, чего же ожидать далее. Они, было, осмелели после смерти не дававшего им развернуться во всю силу Герцога Бургундского Карла Смелого с его

фривольным, роскошным двором и резиденциями в Брюсселе, Генте и Брюгге. Герцог не оставил мужского потомства, а молодую дочь Карла Смелого не восприняли всерьёз. Но девятнадцатилетняя герцогиня Мария Бургундская, столкнувшись лицом к лицу с враждебной Францией, с которой её отец вёл бесконечные войны, которая уже захватила часть её земель и требовала её замужества с французским дофином, быстро сориентировалась и без промедлений сочеталась браком с сыном императора, эрцгерцогом Австрийским Максимилианом Габсбургом, взяв, таким образом, в союзники Священную Римскую Империю, благо, наследница Герцогства Бургундского – желанная невеста.

Знаменательная и, по всей видимости, судьбоносная для их страны свадьба явилась формальным поводом для предстоящего званого ужина у Аларта Дюхамил¹³.

С Алартом Иеронима связывала давняя дружба ещё с детской поры, когда они вместе изучали теологию, зубрили латинский, корпели над математикой, читали литературу и историю в латинской школе при Братстве Общей Жизни. Из щуплого ребёнка Аларт каким-то образом превратился в статного, ладного молодого архитектора. Светло-карие глаза и каштановые, ниспадающие на плечи кудри привлекали внимание девушек. Аларт счастливо женился на прелестной Катарине – девушке своего круга. Её брат Ян Хейнс тоже был архитектором. Талантливый зодчий, построивший уже три церкви в Хертогенбосе, Аларт ещё являлся и прекрасным гравёром, он выполнял гравюры по картинам, зарисовкам и сюжетам Иеронима.

Аларт пригласил на ужин Братьев из хертогенбосского Братства Святой Богородицы, среди них – местную патрицианскую семью ван Меервене из близлежащего местечка Оиршот, где они жили в собственном имении, но появлялись и в Хертогенбосе. Здесь они вели свои торговые дела. Ван Акены знали эту семью, их городской дом, как и дом Антониуса, располагался на площади Маркт. Архитектор приурочил ужин к празднованию свадьбы Марии Бургундской и Максимилиана Австрийского, но истинная причина была иной. Богатое Братство Святой Богородицы замыслило построить в величественном Соборе собственную часовню под стать храму, где обретёт новую обитель их драгоценная чудотворная статуя, а братья и прихожане будут возносить ей молитвы в тишине и благочестии. Во время многочисленных религиозных праздников статуя, по прозьбе священников собора, будет выставляться в главном нефе. Братство рассматривало нескольких отобранных претендентов, решая, кому же поручить столь важную работу. Один из талантливых зодчих города, Аларт полагал: ему могут предложить строительство, но могут предложить и сопернику. Аларт Дюхамил был известным, но не единственным дельным архитектором в Брабанте. Он страстно желал получить этот престижный заказ, сулящий, к тому же, щедрое вознаграждение. Хотя хорошая оплата не помешает, престиж и значимость работы играли более важную роль. Поэтому архитектор и решил проделать невинный трюк соблазнения. Братья благосклонно восприняли его приглашение, и это казалось добрым знаком. Аларт заключил, что он является одним из фаворитов.

Иероним обрадовался возможности лишней раз повидать друга, вечно занятого то работой, то семьёй. Ван Акены прибыли к Аларту не первыми и не последними, как они и рассчитывали. Прийти первыми могли бы счесть неуважительным жестом по отношению к Братству или патрицианской семье, но и слишком запаздывать было бы тем же самым. Херберта, как братья и отец, сразу же окунулась в беседы с гостями, знакомства с теми, кого не знала, а Махтельт, новая жена Антониуса после смерти Алеит, невзирая на статус гостыи, присоединилась к Катарине, суетившейся с последними приготовлениями, отдававшей распоряжения прислуге и поварам. Молодая хозяйка не стала готовить обильный ужин для многочисленных гостей сама, а заранее организовала доставку уже почти приготовленных блюд из дорогой французской таверны, славившейся на весь город своей кухней. Пришли из таверны и повара завершить

¹³ В исследованиях по Босху встречается также иная интерпретация имени архитектора – Аларт дю Хамил.

приготовления. Сделать это ей посоветовал муж, для него предстоящий ужин много значил. Новшество французов стоило недёшево, но иногда приходилось горожанам очень кстати.

Аларт не случайно полагал, что является одним из наиболее желаемых кандидатов. Строительство часовни именно Алартом Дюхамилом Братья обсуждали как практически решённое дело. После заключения и подписания всех формальных соглашений господин архитектор может приступать к первым черновым чертежам. Что и говорить, Аларт взлетел на седьмое небо, его так и распирало от радости и гордости. Мысленно он уже начал рисовать общие очертания будущей часовни и подумал: со временем можно привлечь к строительству брата Катарины, дельного архитектора, как и он сам, но, спохватившись, отогнал от себя все мысли. Роль гостеприимного хозяина требовала определённых сил и внимания к гостям.

Гости славословили Марию Бургундскую и Максимилиана Австрийского, желая им благоденствия и наследников. Хвалили находчивость Марии Бургундской, несмотря на свою молодость и неопытность, быстро нашедшей выход из трудного положения. Иные возражали: Максимилиан, может быть, и не самый желательный для Бургундского Герцогства союзник, герцогине стоило бы обратить свои взоры к Англии – извечному сопернику Франции. Но и те и другие думали-гадали, что же теперь будет с Брабантом, чего ожидать. Скорее всего, новых войн с Францией. Габсбурги не привыкли терять свои территории, Максимилиан Австрийский воспитан в том же духе, что и его отец-император – храбрым воином и неплохим политиком.

Внимание Иеронима с самого начала вечера привлекла семья ван Меервене, а точнее сказать, отдельный представитель этой семьи по имени Алейт. Художник и девушка знали друг друга с юных лет, дома обеих семей располагались недалеко друг от друга. Но Иерониму редко приходилось видеть Алейт. Ван Меервене подолгу жили в Оиршоте, Иероним обучался в Утрехте и Харлеме. Художник знал, что она помогала в госпитале монахиням ухаживать за больными. Он видел девушку на рыночных площадях Хертогенбоса, раздающую хлеб бедным. Этими благими делами занималось Братство Пресвятой Богоматери, где состояла вся её семья. Однажды он даже остановился поодаль и наблюдал за Алейт. Её простое тёмное платье, размеренные движения, тёплая улыбка и мягкие манеры виделись Иерониму полными особой духовной грациозности и достоинства.

Смотря на девушку, Иероним почему-то вспоминал юность, вспоминал монаха Дионисия или Картузианца¹⁴, как называли его в Хертогенбосе из-за принадлежности к Ордену Картузианцев¹⁵. Брат Дионисий помогал управлять картузианским монастырём в Хертогенбосе, поводил долгие часы в молитве и созерцании, однако всегда находил время приходить на площади города и раздавать еду страждущим. Присущие ему тёплая улыбка и мягкие, заботливые манеры сразу располагали к нему людей. Картузианец привечал юных друзей Иеронима и Аларта, учившихся в латинской школе: рассказывал о путешествии по германским землям с кардиналом Николаем Кузанским, беседовал с юношами о житиях святых и о мистическом писателе прошлого Яне ван Рейсбруке¹⁶, которого Дионисий называл удивительным. Таинственные записи ван Рейсбрука Иероним читал в латинской школе по настоянию Братства Общей Жизни. Таким же образом с работами познакомился и Дионисий, когда-то учившийся в похожей школе Братства. Братство Общей Жизни считало труды этого загадочного писателя едва ли не второй Библией. Папские доминиканцы невзлюбили Картузианца и пытались обвинить его в ереси. Когда этого не удалось и их самих обвинили в зависти к популярности картузианского монаха, они просто выжили Дионисия из города. Орден Картузианцев отозвал Дио-

¹⁴ Дионисий Картузианец или Денис ван Рейкель (около 1402/03 – 1471) – ранниендерландский католический теолог, философ, мистик под влиянием работ ван Рейсбрука и Деонисия Ареопагита. Состоял в монашеском Ордене Картузианцев. В конце 1460х годов руководил строительством и управлением картузианского монастыря в Хертогенбосе.

¹⁵ Или Орден Картезианцев. – монашеский орден, основанный во Франции в 1084 году.

¹⁶ Ян ван Рейсбрук (Рейсбрюк) (1293 – 1381) – ранниендерландский мистик, философ, писатель. Повлиял на дальнейшие поколения нидерландских и испанских мистиков.

нисия из Хертогенбоса, затаив злобу на доминиканцев. Городское правление и горожане не раз припомнили Псам Господним¹⁷ бесчестную травлю благочестивого, но не пришедшегося ко двору монаха. Иероним от всего сердца сочувствовал Картузианцу. Юноша недоумевал: что доминиканцам нужно от праведного монаха? Ему было нестерпимо жаль расстаться с Дионисием. Он ненавидел Псов Господних.

Алейт, раздававшая хлеб, напомнила Иерониму Дионисия своими тёплыми манерами и желанием творить добрые дела. На ужин к Аларту Дюхамилу Алейт пришла с братом, её родители уже обитали в мире ином. Иероним с неким удивлением взирал на эту новую Алейт – повзрослевшую, в роскошном наряде – и будто впервые видел её. В определённом смысле так оно и было. Доселе он не встречал Алейт на собраниях общества Ден Боса, хотя она и принадлежала к патрицианской семье. Иероним и Алейт были одного возраста, Алейт, может быть, на два-три года моложе. Несмотря на не юный возраст Алейт всё ещё не вышла замуж. Не желает или подходящей партии не нашлось, гадал Иероним. Свои светло-каштановые волосы, гладко зачёсанные назад, собранные в замысловатую причёску, девушка не убрала под головной убор, а только слегка заколола полупрозрачной вуалью. Иероним, поэтому, разглядел: несмотря на популярный стиль туго стянутых назад волос, она не подбрасывала слегка лоб и виски, как сделали бы модницы. Её жемчужно-серое верхнее платье из легчайшего бархата с глубоким треугольным вырезом, из которого выглядывало нижнее платье из белого батиста, походило по цвету на его наряд – белую тунику по колено и такой же длины кафтан из легкого серого бархата, подпоясанных поясом из маленьких серебряных печатных пластин. Это совпадение показалось Иерониму забавным и знаковым одновременно, содержащим особый смысл. Алейт тоже заметила совпадение и не обошла вниманием. После обычных приветствий и приличествующих в таких случаях восхищений работами художников, она красноречиво перевела взгляд с себя на Иеронима. Все присутствующие вежливо рассмеялись, иные узрели в этом загадочное знамение. Аларт дю Хамил посчитал не лишним добавить:

– Летом хочется надеть что-нибудь лёгкое и светлое. Не удивительно, что ткани и цвета иногда так похожи.

За весь вечер Иероним и Алейт сказали друг другу немного: упомянули о знатной свадьбе в Генте, похвалили гостеприимство хозяев. Однако Иероним чувствовал как воздушно-незримые, но крепкие нити протянулись между ними и будто связали их вместе. Он ощущал и волны симпатии, исходившие от Алейт. Лучистый взгляд её золотисто-карих глаз, размеренная речь и тёплая улыбка снова напомнили ему брата Дионисия.

Алейт в первый раз видела художника в городском обществе и так близко. Она успела заметить серо-голубые глаза, поразившие её своим глубоким, вдумчивый взглядом. Он казался ей много знающим собеседником, хотя они так мало разговаривали, легко и свободно изъяснялся на латыни. Казалось, он старше её, а ведь девушка знала, что они одних лет.

Иероним возвращался домой в глубокой задумчивости. Ему что-то говорили отец и братья, что-то спрашивали, он что-то отвечал. Антониус и братья заметили, что Иероним будто не такой как всегда: выпил немного лишнего или находится под впечатлением на славу удавшегося вечера. В любом случае, завтра всё образуется, решили они.

Махтельт, однако, было не провести. От её внимания не ускользнула симпатия, возникшая между Иеронимом и Алейт. Схожесть в нарядах, выбранных для вечера, показала Махтельт добрым знаком, особым предзнаменованием о будущем Иеронима и Алейт.

¹⁷ Псы Господни – неофициальное название доминиканского монашеского ордена. На гербе ордена изображена собака, держащая в пасти горящий факел, а слово «доминиканец» созвучно латинским словам *Domini canes* т.е Господни псы. Неофициальное название использовалось и в негативном смысле, так как инквизиторы были преимущественно доминиканцами. Кроме того, в Нидерландах времён Босха не было своей Святой Инквизиции, она была образована Карлом V уже после смерти Босха, в 1521 году. Во время жизни Босха инквизиторы посылались из Рима и их деятельность была довольно ограниченной городскими властями.

Мысли понеслись дальше. Алейт славная девушка, думала Махтельт, размышляя о возможности женитьбы Иеронима, единственного из братьев, ещё не связавшего себя узами брака. Она из знатной семьи, и это может стать препятствием. Однако, ван Акены – не знатная, но известная в Хертогенбосе семья. Они пишут для Собора; городская знать, магистрат и богатые купцы заказывают портреты. Это уж как посмотрит её брат. Он, вероятно, будет не против сбыть сестру с рук, отдать её замуж в семью хотя и не знатную, но вполне уважаемую.

«Ты что-то разошлась, забегаешь слишком далеко», – тихонько, со смешком сказала себе Махтельт, но в глубине души она чувствовала, почти знала, что Алейт – это она, жена Иеронима.

5

Хертогенбос, Брабант, Бургундские Нидерланды. Конец 1470х годов.

От величественного Собора Святого Иоанна Евангелиста до площади Маркт, главной площади города, где располагаются Ратуша, большие городские часы, центральный городской колодец и торговые ряды, не более двадцати минут ходу. Хертогенбос – процветающий, но не самый большой город Брабанта, как Брюссель или Антверпен¹⁸. Со всех сторон Хертогенбос окружён лесами, в них часто забавляется охотой брабантская и бургундская знать. Первый герцог Брабантский, храбрый воин и заядлый охотник Генрих¹⁹, даровал городские и торговые права поселению, возникшему на слиянии двух рек около его охотничьих лесов, от которых город и получил своё название: Хертогенбос – «герцогский лес». Права получили и другие поселения Брабанта. Герцог нуждался в городских ремёслах и торговле в своих владениях, дабы приумножить состояние и придать себе весу в кругах высшей знати.

Церквей, монахов и монастырей всех возможных монашеских орденов здесь больше, чем в любом другом городе Брабанта. Граждане Ден Боса вопрошали себя: гордиться им или сожалеть? Так или иначе, горожане соглашались с отцами города, не позволявшими монахам захватить их родной Ден Бос, конкурируя с мастеровыми и торговыми цехами, да ещё продавая отпускающие грехи индульгенции. Действовали здесь и христианские Братства, где братья и сёстры не связывали себя монашеским обетом. В процветающем Братстве Пресвятой Богоматери состояли выдающиеся граждане Ден Боса, едва ли не каждый городской чиновник стремился получить приглашение в это влиятельное общество. Братьев и сестёр из Братства Общей Жизни хертогенбосцы считали в определённой мере блаженными, относились к ним с удивлением, но и с долей почтения. От них никакого вреда, только польза. Они ратовали за грамотность и учение, осуждали пренебрегавших обетами церковников всех рангов, и своею жизнью, деяниями показывали, что можно жить в любви с Богом, не принося монашеских обетов. Городское правление считало, что Братство своею деятельностью улучшает жизнь в городе: братья содержали школы, помогали ухаживать за больными в госпиталях. Доминиканцам же трудно было скрыть подозрительность и недоверие. Не оттого ли, что братья и сёстры Братства могли парировать им в любой дискуссии, переписывать и украшать книги?

Граждане Ден Боса гордились фактом, что в их городе находилась известная в Брабанте латинская школа, которой управляли братья из Братства Общей Жизни, и где учился Иероним, допоздна просиживая над книгами в их солидной библиотеке. Условием обучения в знаменитой школе было изучение истории Братства и работ его выдающихся представителей, коими являлись не больше не меньше как Фома Кемпийский и Николай Кузанский. Иероним,

¹⁸ Во второй половине 15 в. Герцогство Брабант входило в состав Бургундского Герцогства, как и почти все Нидерланды. В настоящее время Северный Брабант, включая Хертогенбос, входит в состав Нидерландов, а Южный Брабант, включая Брюссель и Лёвен, – в состав Бельгии.

¹⁹ Генрих I (1165 – 1235) – первый герцог Брабанта с 1183 года.

поэтому, с юношеских лет знал, что самое первое Братство было основано в 1374 году в Девентере патрицием Гертом Гроте, очарованным писаниями Рейсбрука и под этим просветлённым очарованием решившим говорить с Господом менее помпезно, более интимно, наподобие первых христианских общинников. Сейчас же общины этого братства существовали во многих городах земли нидерландской. Своим святым покровителем они объявили Святого Иеронима, известного тягой к грамоте и учению. Иероним читал труды обожаемых братством Фомы Кемпийского, Николая Кузанского, почти наизусть знал раздел «Золотой Легенды»²⁰, посвящённый жизни Святого Иеронима. Кроме чтения книг Иероним любил наблюдать в скриптории за вооружёнными перьями руками монахов и учёных братьев, переписывающих книги, за художниками, пишущими миниатюрные иллюстрации, а потом и сам постигал искусство миниатюрной живописи.

Завершив очередной день кропотливой работы в соборе, Иероним шёл по узким улицам к семейному дому на площади Маркт, лавируя между спешащими людьми: наёмными мастерами, возвращающимися домой, монахами и священниками, направляющимися в многочисленные церкви на вечерние мессы, женщинами, несущими в корзинах провизию к ужину. Лавки и ремесленные мастерские на мелких улочках, начали уже закрываться.

Но на главной площади жизнь была ключом. Торговцы и не думали заканчивать работу, наперебой расхваливали свой товар, горожане сновали по рядам, надеясь к концу дня выторговать покупки подешевле. Чуть поодаль Иероним увидел стоящего на возвышении и потрясающего розарием проповедника, доминиканца, судя по его белому монашескому облачению и чёрному поясу, собравшего вокруг себя внушительную толпу слушающих и внимающих его решительному, резкому голосу. Свой чёрный плащ монах, разгорячённый собственной проповедью бросил тут же у ног. Доминиканцев глухо недолюбливали даже здесь, в Хертогенбосе, где они содержали большой монастырь, не говоря уже об остальном Брабанте, да и всём бургундском государстве. Доминиканец, державший возле себя столько людей, вызвал любопытство художника, он подошёл поближе. Иероним узнал проповедника, его называли блаженным Аланом. То и дело появлялся он в городе, неизменно останавливался в монастыре у собратьев и неустанно проповедовал о любви к Господу и Пресвятой Деве Марии, о предстоящем Конце Света, Страшном Суде и неизбежном наказании грешников.

– Берегитесь, будьте настороже. Пособники дьявола вовсе не ленивы, они не дремлют, а ищут слабые души, чтобы втянуть искушениями ещё более в вертеп порочной жизни и запретных наслаждений. Наступит Конец Света, конец мира и каждую душу ждёт Страшный Суд, а для тех, кто беспрестанно грешил и не каялся в своих прегрешениях, для тех, кто в своей гордыне забыл Бога и не посещал церковь, неминуемы бездонные глубины Преисподней. И тогда их проклятые души ждут мучения, которые, в отличие от греховной земной жизни, никогда не закончатся. Их порочные души, снедаемые голодом и жаждой, будут бросать из огненного пекла на лёд, обдуваемый колючими ветрами. Они будут проводить дни и ночи, мучимы подобными горам чудовищами с железными когтями и клювами, их души будут терзать дикие звери, жалить отвратительные гады, клевать хищные птицы, жарить в печи, бить молотом на наковальне. А во имя ещё более тяжких страданий им покажут недостижимые Райские сады, царство света, изобилия и дивной музыки, где обитают праведные души, – проповедник остановился, чтобы перевести дыхание и сделать выразительную паузу.

Глаза его горели. В воображении своём он представлял уже себя праведным пастырем с факелом в руке, ведущим заблудших овец из тёмных лабиринтов грехов в лоно святой веры. Но быстро сообразив, что это может быть той самой гордыней, он усилием воли выбросил

²⁰ «Золотая Легенда» – произведение Якова Ворагинского, Написанное в середине 13 века. Сборник житий святых, который на протяжении всего средневековья являлся одним из наиболее популярных и читаемых произведений по всей Европе.

из головы эти представления вместе с выдохом и снова вдохнул, чтобы просто проповедовать со славу Божию:

– Однако, не всё ещё потеряно, – вдохновенно продолжал доминиканец, – оглянитесь на вашу жизнь, наполненную смертными грехами. Задумайтесь. Покаянием, непрестанными молитвами, праведной жизнью и добрыми деяниями можно попытаться избежать проклятия на Страшном Суде и следующего за ним Вечного Ада. Обратите свои взоры и мысли к Господу нашему и Пресвятой Деве Марии. Покайтесь искренне в прегрешениях, испросите заступничества от дьявольских сил. Бог и Пресвятая Дева милостивы, они простят заблудших и раскаявшихся.

Иероним заметил себе как естественно этот монах вставлял в проповедь описания Ада из рассказов о страшных похождениях по Преисподней рыцаря прошлого Тундала²¹.

Иероним досконально помнил книгу, не раз им прочитанную. Смелый и отважный, но полный гордыни, презрения и не почитавший Господа ирландский рыцарь Тундал однажды на пирушке упал замертво и очнулся только через три дня. Эти три дня его душа, в сопровождении ангела-хранителя, путешествовала по пределам Ада и постигала полную жестоких истязаний жизнь, какую ей придётся претерпевать вечно, если он не опомнится, не раскается, а будет продолжать жить в грехе и бесчестии. По возвращении души очнувшийся Тундал искренне раскаялся и провёл жизнь, наполненную молитвами и благими делами. Похождения рыцаря Тундала Иероним вспоминал и когда читал всеизвестную «Комедию» великого Данте Алигьери, по настоянию Боккаччо – «Божественную Комедию».

Доминиканцы отличались от всех других монахов большею учёностью. Проповедь Алана с призывами к благочестивой жизни, наполненной молитвами и богоугодными деяниями, проникновенный, резковатый голос привлекали внимание горожан. Блаженный Алан умело вёл проповедь. Он не только устрашал толпу, он оставлял место для надежды. Поэтому его со вниманием слушали, а иные воспринимали проповедь как учение для дальнейшей жизни во имя спасения души. Казалось, блаженный Алан, в отличие от других доминиканских проповедников и монахов, которых нередко считали лжецами, делится сокровенными мыслями, это подкупало слушателей. Впрочем, не каждого: с самого края группы статный горожанин-мастеровой, бросал красноречивые взгляды на стоявшую неподалёку молодую женщину в лёгком плаще, скреплённом на груди маленькой серебрянной фибулой, с длинным остроконечным капюшоном, накинутом на голову. Из-под плаща выглядывало платье добротного полотна. Женщина заметила интерес к себе и опустила глаза, но на её губах играла едва заметная улыбка.

Иероним направился к торговым рядам, пересекая площадь по направлению к дому, как вдруг услышал пронзительный крик: «вор, держите вора». Он оглянулся и увидел тонкую, юркую фигурку убегающего воришки, с невероятной скоростью удалявшуюся от толпы слушателей. Его ноги мелькали так быстро, что у Иеронима зарябило в глазах. Два горожанина бросились за вором, но им было не поспеть за привычным к бегу, лёгким, стремительным воришкой, неуловимо исчезнувшим с глаз обывателей в узких улочках. Последним из толпы вынырнул тучный господин в кафтане из шерсти, длинные полы мешали ему бежать. Нетрудно догадаться, что это был ни кто иной, как жертва, у кого недостойный воришка ловко срезал кошелёк с деньгами. Его лицо ещё сохраняло растеряннo-глупое выражение, как же ещё могло выглядеть лицо человека, неожиданно обнаружившего, что у него утянули деньги. Растерянность вскоре сменил гнев, пострадавший запоздало, но грозно потряс кулаком в сторону улизнувшего вора и выкрикнул:

– Нечестивый пёс, чтоб ты споткнулся и разбил себе нос. И как только такого земля носит!

²¹ «Видение Тундала» – текст 12 века, популярный на протяжении всего позднего средневековья. Написан монахом Марком из Регенсбурга.

Стоявшие поблизости свидетели произошедшего и просто любопытствующие зеваки хихикнули, сравнивая вес тучного господина и невесомого воришки.

Живописец невольно усмехнулся: далеко не всех привлекала в эту группу проникновенная речь известного проповедника. На другой стороне площади он увидел ещё одно скопление любопытных, с нанапряжённым вниманием следивших за руками мага-фокусника или просто шарлатана, показывавшего трюки с фасолинами исчезающими из-под маленьких полукруглых чаш. Ближе всех к фокуснику стояли почтенный господин в богатом костюме и доминиканский монах, предпочтивший сомнительные трюки благочестивой проповеди собрата по ордену. Оба впились взглядом на руки чародея и даже приоткрыли рты, пытаясь его подловить. Художник остановился понаблюдать за происходящим и успел набросить пару быстрых рисунков угольками: резкие, тяжеловатые, быстрые линии, сделанные в спешке. «Он, наверное, и здесь собрал бы урожай, не будь разоблачён среди слушателей проповедника», – вспомнил Иероним ловкого воришку.

Когда Иероним, наконец, добрался до дому, он застал отца и братьев, обсуждавших написанные за день фрагменты картин в церквях города. В большой, с узковатыми комнатами, дом на восточной стороне площади Маркт ван Акены перебрались несколько лет назад. На площади, а ещё вокруг Собора Святого Иоанна Евангелиста, располагались дома знатных и богатых хертогенбосцев. Солидная репутация семьи известных в городе потомственных художников, постоянные заказы и неустанный труд позволили ван Акенам купить дом на престижной центральной площади Хертогенбоса. Антониус овдовел, когда его младшему сыну Иерониму исполнилось шесть лет, а самой младшенькой в семье, Катарине, три года, и вскоре в дом вошла новая жена, вдова, как и Антониус. Махтельт была горожанкой его круга – её отец изготавливал рамы для картин – поэтому распорядок жизни семьи художников не явился для неё в новинку. Бог не дал Махтельт своих собственных детей ни с первым мужем, ни с Антониусом, она оказалась бесплодной. Женщина со смирением приняла веление Господа, но вместо того, чтобы убиваться и вымалывать ребёнка, она отдала свою любовь и заботу детям Антониуса, которые отвечали ей тем же, иногда называя свою мачеху мамой. Звуки этого слова сладостно отзывались в сердце Махтельт; она, будучи неглупой женщиной, сознавала, что даже младшие дети, Иероним и Катарина, помнили свою родную мать, не говоря уже о старших.

Домочадцы поджидали задержавшегося в соборе Иеронима дабы всем вместе приступить к семейному ужину, находя разные пустяковые причины не начинать без него. Махтельт и Херберта якобы заканчивали последние приготовления к уже готовому ужину, жёны старших братьев начинали накрывать на стол и утихомиривали шаловливых детей Гуссена, отец и сыновья строили предположения, какой же огромный участок выполнил сегодня Иероним. Не то, чтобы это было обязательным правилом в семье ван Акенов, но они старались собираться вместе за вечерней семейной трапезой. Время от времени приходила в гости на ужин замужняя сестра Катарина со своим мужем.

За ужином Ян объявил:

– Дорогие отец и Махтельт, мы с Юстиной думаем начать жить отдельно и уже присмотрели домик на одной из улочек между Собором и площадью. Домик небольшой, но уютный, и от вас недалеко. Мы вполне довольны, – и он оглянулся на жену, миловидную Юстину, ожидающую их первенца.

Юстина тихо улыбнулась в ответ мужу, затем всё так же тихо улыбаясь, обвела вопросительным взглядом домочадцев.

– Да придёт с вами Господь на новом месте, – благословила молодую пару Махтельт и тайком смахнула навернувшуюся слезу. Ей не хотелось расставаться с Яном и Юстиной, но она понимала желание молодых жить в собственном доме, своими обычаями.

Для Антониуса ван Акена, главы семьи и их семейной мастерской, новость не явилась, как гром с ясного неба, неожиданной. От его внимания не ускользнул возникший интерес сына

к скромным, небольшим домам, его беседы с молодыми семьями, отделившимися от родителей. Отцу жаль было отпускать сына из-под своего крыла. Привычно жить всем вместе, под одной крышей, да и работать так удобнее – Ян вместе с другими сыновьями всегда под рукой. В то же время, Антониус сознавал, что, рано или поздно, Ян начнёт жить собственным домом. В своё время Гуссен, как старший сын, унаследует дом и мастерскую, станет главой их семейного дела. Остальные дети получают лишь свою долю наследства. Антониус вспомнил себя самого много лет назад: не являясь старшим сыном, он, как сейчас Ян, ушёл от родительского крова жить отдельной семьёй вскоре после женитьбы. Ян – хороший, старательный художник, всегда, кроме работы в их семейной мастерской, имеющий и личные заказы. Как раз сейчас он писал парные портреты одного из казначеев Хертогенбоса и его супруги.

После ужина отец и сыновья в нижней мастерской обсуждали текущие дела, намечали работу на ближайшие дни. В доме было две мастерских. Одна, более просторная и несколько даже образцово-показная, находилась на первом этаже, здесь принимались заказы и писались заказные портреты. Другая, поменьше и попроще, где обычно корпели над своими заданиями ученики Антониуса, располагалась наверху, под крышей. Иметь две мастерских являлось редкостью, но большой дом ван Аkenов позволял это роскошество.

– На какой стадии работа в Соборе, Ерун? – Этим уменьшительным домашним именем Иеронима называл только Антониус, да ещё иногда Махтельт, – я обязательно загляну к тебе не сегодня-завтра.

– Практически закончена. Мне удалось сегодня выполнить большой участок, поэтому я задержался. – объявил Иероним, и, вспомнив почему-то об Адриане ван Веселе, добавил, – мастер ван Весел увидит результат.

– Адриан упоминал, что мечтает увить законченную картину, он ужинает у нас в воскресенье. Ему любопытно взглянуть и на Святую Катерину, что вы пишете, – обратился Антониус к старшим сыновьям – он на днях зайдёт в церковь Всех Святых.

– Мы будем рады видеть мастера ван Весела, – сказал Гуссен за двоих, а Ян согласно промолчал, – хотя мы ещё и половины не написали. Ждём и тебя Иероним, чтобы ты выполнил пейзаж на дальнем плане, – повернулся он к Иерониму, – ты по ним отменный мастер.

– Наш самый талантливый и умелый братец тоже должен приложить к картине свою кисть, – съязвил Ян.

Иероним лишь слегка растянул губы в улыбке, а Гуссен сдержал готовый вырваться вздох досады и пояснил Иерониму, стараясь звучать как можно более обыденно:

– Священники церкви настаивают на твоём участии, Иероним.

– Чтобы при случае продемонстрировать в своей церкви кисть художника, в строгой христианской добропорядочности которого они сомневаются, в особенности доминиканцы, – тем же обыденным тоном продолжил Иероним.

– И это не случайно, – вставил Ян, взглянув на Иеронима, и поднял указательный палец вверх, привлекая внимание, – это из-за твоих пресловутых картинок, изображающих крестьянские гулянки, да празднества, а не благоговение перед Творцом и Святыми. И как ты их не боишься, тех Псов Господних, – он сокрушённо вздохнул и сердитое выражение его лица сменилось на тревожное.

– Я пишу и те и другие картины, и веселье и святых, Ян, ты это знаешь, – терпеливо пояснял брату Иероним. – Можно не забывать не о Господе нашем, не о праздниках, что мы все и делаем, включая священников.

Услышав последние слова брата, Ян кинул на него выразительный взгляд показного сомнения, а Гуссен усмехнулся:

– Твоё имя привлечёт любопытных, а это дополнительные прихожане. Рим и Папа далеко, а прихожане здесь, и церковью вокруг много.

Ян укоризненно посмотрел на старшего брата, покачал головой и торопливо осенил себя крестом, а лёгкая улыбка Иеронима тотчас же превратилась в саркастичную.

– Они хотят получить за свои деньги как можно больше из того, что мы можем предложить. Вполне естественное, понятное желание, – миролюбиво, но твёрдо подытожил Антониус, – Ерун, тебе нужно найти время, – и встал, давая понять разговор подошёл к концу.

Антониус опять испытал горькое чувство, какое испытывал всякий раз, когда слышал колкости Яна в адрес Иеронима. И не столько даже за Иеронима, сколько за Яна, потому, что, вообще-то говоря, он не считал своего среднего сына недалёким глупцом и не желал думать о нём, как о примитивном завистнике. Антониус видел определённую долю зависти в отношении Яна к более талантливому и популярному Иерониму. В то же время, Антониус ни на минуту не сомневался: Ян любит младшего брата, как любит всю свою семью. Иероним понимал сложную гамму чувств Яна и поэтому спокойно сносил подобные колкости брата, благо, они были нечасты и содержали призывы к осторожности в том, что и как изображал Иероним.

Антониус ван Акен дал образование всем трём сыновьям и даже дочерям Херберте и Катарине: обе знали грамоту и счёт, любили читать жития святых. Катарина вышла замуж, жила в семье мужа и была довольна своей жизнью. Херберта же не желала ещё доли замужней женщины, она помогала иногда отцу в мастерской и неплохо писала. Юноши обучались в городских школах, а Иероним хотел поехать в университет изучать философию, богословие и литературу. Антониус испытал бы сожаление, но не препятствовал бы младшему сыну. Антониус любил своё ремесло и хотел того же самого для своих детей. Один из его, Антониуса, братьев не последовал по стопам отца-художника, он делал рамы для картин и представил ему однажды Махтельт; по роду своего ремесла он давно знал отца молодой вдовы – тоже изготовителя рам. Со временем в Иерониме восторжествовали любовь к живописи и чувство семейной преемственности, юноша уехал в Утрехт обучаться книжной миниатюре. Антониус возблагодарил Господа ещё и потому, что считал младшего наиболее талантливым из трёх своих сыновей. По возвращению из Утрехта Иероним пошёл в гору – его способности стали очевидны не только отцу. Отработав в семейной мастерской и набив руку, молодой художник, несмотря на нарастающую популярность, а может и благодаря ей, вдруг решил оставить на время Хертогенбос и засобирался в Харлем или Дельфт. Или посетить Девентер в память о рассказах Брата Дионисия о том, что город этот порождает благочестивые мысли. Антониус, посоветовал сыну подумать о процветающем Генте, где немало превосходных художников, у которых он может брать уроки живописи, включая знаменитого Хуго²². Но Иероним выбрал Харлем.

Все три его сына стали приличными живописцами. Антониус сам их учил, затем отправил к другим хертогенбосским мастерам. Но Иероним захотел отправиться на обучение за пределы Хертогенбоса. Антониус не возражал, полагая, что впечатления странствий, знакомство с другими стилями и манерами в живописи помогут набраться опыта и отточить мастерство.

Младший сын удивлял и поражал Антониуса. После обучения в Утрехте его манера писания стала походить на увеличенные в несколько раз книжные миниатюры, даже если он выполнял большие работы для церквей или картины с донаторами²³. Хертогенбосские живописцы находили эту манеру достойной, некоторые и сами писали в похожем стиле. После возвращения из Харлема, где он брал уроки сразу у нескольких харлемских мастеров и даже у знаменитого Альберта ван Оуватера²⁴ – харлемец в особенности славился своими дальноплановыми

²² Хуго ван дер Гус (1420 -1482) – выдающийся представитель ранней нидерландской живописи. Много лет работал в Генте, затем в монастыре под Брюсселем.

²³ Донатор – заказчик картины, преимущественно религиозного или мифологического сюжета, на которой требовалось изобразить его среди персонажей, обычно коленопреклонённым. Нередко картина затем преподносилась в дар какой-либо церкви.

²⁴ Альберт Оуватер (около 1415 – около 1475) – ранненидерландский художник, известный своими дальноплановыми

пейзажами, – Иероним на время затих, еле шевелил кистью, а затем начал писать по иному и иное. И особенность состояла не столько в появлении в его картинах прекрасно и тонко исполненных пейзажей на дальних планах, это обстоятельство, как раз, легко объяснялось, сколько в странных, немислимых сюжетах, интересовавших теперь Иеронима. Он приносил листы с набросками, изображавшими мастеровых, крестьян, монахов, калек и нищих, горожанок, знатных господ. Наброски затем превращались в более тщательные, детальные рисунки – сценки на торговой площади или в мастерских ремесленников, городские празднества, крестьянские гулянки. Вскоре Антониус увидел исполненную Иеронимом небольшую картину, изображавшую... крестьянскую свадьбу. За ней последовали сюжеты развесёлого празднования Карнавала²⁵ и шуточной битвы Карнавала и Поста в виде упитанного обжоры и тощей женщины²⁶. Картин этих Иерониму никто не заказывал, он, видимо, писал их для себя, ибо в это время работал над Распятым Иисусом по заказу чиновника городского магистрата, которого требовалось изобразить коленапреклонённым перед Распятием: молодого человека, одетого в чёрный короткий плащ, модные панталоны и чулки, опустившегося на колени перед Распятием с выражением печали и благоговения и сложившего руки в молитвенном жесте, Апостол Пётр, его святой покровитель, представляет Богородице и Иоанну Евангелисту, спрашивает для него милостивого заступничества перед Творцом и Иисусом. На дальнем плане – тонко исполненный пейзаж с видом Хертогенбоса.

Антониус не знал что и думать. Он не видывал ничего подобного и не знал ни одного художника, изображавшего подобные сюжеты. Какая блажь пришла в голову его младшему сыну? Где это видано, чтобы изображались празднества и гулянки! Антониус искренне верил в то, чему его с юношеских лет учил отец и чему он видел подтверждение всю свою жизнь: картины должны излучать красоту, вызывать благоговение и почитание. Новые творения Иеронима не отличались красотой, лица персонажей не выражали благость, как должно и привычно, а были весёлыми, грустными, глупыми, злыми, добрыми. Но картины подолгу держали около себя, побуждая внимательно разглядывать выражения лиц и каждую деталь, каждую подробность, которых было великое множество.

Творения Иеронима вызывали не благоговение, а смех, а то и негодование. Что же он собирается делать с этими странноватыми картинами? – недоумевал Антониус, – никто их не заказывал, поэтому сбыть их будет сложно. Кто купит картины с таким непотребным содержанием?!

Но всё обернулось точно наоборот.

Картины случайно увидел торговец шерстяными тканями, пожелавший, подобно знатному господину, иметь свой портрет, благо средств у него хватает, и позировавший для этого Гуссену. Торговец хохотал от всей души, рассматривая запечатлённые забавы, а затем предался воспоминаниям о нескольких гулянках в деревне и здесь, в Хертогенбосе, в которых ему случилось принять активное участие:

– Вот такие рожи там у всех и были, да и у меня, наверное, точно такая была. Эх, ну и славно же повеселились мы тогда, – и он снова залился смехом.

Торговец страстно возжелал приобрести одну из картин. Через несколько дней этот любитель искусства привёл к Иерониму своего родственника, приехавшего навестить его из Лёвена, и тот купил другую. А ещё через несколько дней последовали просьбы написать что-нибудь похожее. Антониус и предположить не мог, что сюжеты эти приобретут популярность, но рассудив, он решил, что дело в этой самой необычности. Немало людей не прочь иметь что-либо этакое, любопытное.

пейзажами. Много лет работал в Харлеме.

²⁵ Карнавал – праздник перед постом, Масленица.

²⁶ Эти картины утеряны, известны только по более поздним копиям и картинам по мотивам Босха.

Многодневные октябрьские ярмарки, ежегодно проходившие в Антверпене, Брюгге, Генте, Лёвене и других городах Брабанта и Фландрии, неизменно посвящались одному из излюбленных в Нидерландах святых – Святому Бавону²⁷. Воинственный и неизменно гордый рыцарь Бавон вёл разгульную жизнь. Так и умер бы великим грешником, если бы однажды на него не снизошло божественное откровение. После знамения он глубоко раскаялся в грехах, раздал добро, которое имел, и уединился, живя до самой смерти отшельником, в молитве и размышлении.

Ярмарки проходили и в другие месяцы, но так уж повелось, что октябрьские, под покровительством Святого Бавона, являлись благодатью для братии художников. Со всего Брабанта и из других земель Нидерландов съезжались изготовители рам, досок и холстов для картин, торговцы пигментов и масел для красок, и, конечно, художники показать, а по возможности и продать, свои работы, обменяться новостями, продемонстрировать новшества.

Ван Акены регулярно ездившие на ярмарки когда вместе, когда по отдельности, решили на этот раз отправиться все вместе. Иероним предложил поехать в Антверпен:

– Антверпенская ярмарка приобретает размах и славу с каждым годом. Всё больше мастеров предпочитают её.

Его сразу же поддержал Гуссен:

– Правильно, мы давненько не были Антверпене, – и, повернувшись к младшему брату, промолвил со смешком, – а ты, Иероним посмотришь, пойдут ли в Антверпене твои картины.

Но Антониус подумывал о Генте:

– Ярмарка в Генте ничуть не хуже, она всё ещё самая большая. И, кроме того, Гент – город Святого Бавона.

Помолчав несколько секунд, наблюдая за Гуссеном и Иеронимом, он выложил свой главный довод:

– В Генте кроме ярмарки у нас будет возможность пойти в церковь Святого Иоанна Крестителя²⁸ и посмотреть на неподражаемый алтарь братьев ван Эйк²⁹.

– Ах, посетить всё – и ярмарку и церковь – за один визит будет замечательно, – с энтузиазмом воскликнул Ян.

Увязавшаяся с ними Херберта обычно тянулась за младшим братом, но на этот раз поддержала отца, обрадованная предложением созерцать знаменитый алтарь. Гуссен и Иероним, соблазнённые предложением отца, в конце концов, тоже согласились. Звали и Махтельт, но она решила не ехать, не захотела оставить дом. Она пойдёт в Собор или другие церкви и посмотрит на алтари, расписанные её любимыми людьми.

Гент великолепен, ярок, шумен, не то что полусонный, тихий Хертогенбос. Здесь меньше церквей и больше таверн, чем в Хертогенбосе. Здесь, как в Брюсселе или Брюгге, располагаются резиденции бургундских герцогов и поэтому живёт много знати. По прибытию в Гент ван Акены отправились на ярмарку. Гентская ярмарка, словно старшая сестра хертогенбосской – похожа, но с большим размахом. Торговые ряды всевозможных товаров, фокусники-маги, дурачащие добрых людей, проповедники, призывающие к покаянию в грехах, грозящие предстоящим Концом Света и Страшным Судом, жонглёры и акробаты, зарабатывающие свой хлеб опасными трюками под восхищёнными, испуганными или жаждущими зрелищ взглядами

²⁷ Святой Бавон (или Баво) Гентский – католический святой (почитается и в православии), умер примерно в 659/60 году

²⁸ В настоящее время – Собор Святого Бавона.

²⁹ Гентский алтарь братьев Хуберта ван Эйка (1366 – 1426) и, более известного, Яна ван Эйка (1385 – 1441).

толпы. Здесь можно встретить и торговцев из Хертогенбоса, известного на все Нидерланды изготовлением отличных ножей.

Посмотрели картины местных и приехавших из других краёв художников, купили по сходной цене кистей, отлично сработанных дубовых досок и редких пигментов для красок. Херберта приобрела себе новый наряд. Она могла купить платье и в Хертогенбосе, тем более, что живут они на главной торговой площади. Но ей доставило особое удовольствие выбрать наряд на гентской ярмарке. Присмотрели и купили подарки для Махтельт, Катарины, Юстины и детей. Гентский люд с любопытством взирал на небольшие, необычные картины Иеронима. Покупатели не заставили себя долго ждать. Картины, привезённые Иеронимом в Гент, ушли быстро – на свете немало любителей чего-нибудь особенного.

После долгого хождения по ярмарке уставшие, но довольные ван Акены попытались найти поблизости какой-нибудь инн³⁰ остановиться на ночлег, но все близлежащие постоялые дворы были заполнены. Кляня себя за то, что не позаботились об этом загодя, изнывая от усталости и голода, семья побрела по направлению к церкви Святого Иоанна Крестителя, которую они должны были посетить на следующий день. Заходили во все попадающиеся на пути постоялые дворы. Наконец, им улыбнулась удача в виде большого, неопрятного инна, но они обрадовались и этому. Изрядно проголодавшиеся ван Акены побросали покупки в комнатах, спустились в таверну. Антониус спросил принести для всех хлеба, мяса, пива и засахаренных фруктов, и семья, в ожидании ужина, принялась обсуждать свои приобретения. После утоления первого голода они оглянулись по сторонам.

Наступили сумерки, и таверна уже тускло освещалась сальными свечами в незамысловатых, неухоженных подсвечниках. Это было неожиданно тесное для такого большого инна заведение, грязноватое, под стать номерам наверху, пытающееся, однако, поддерживать видимость опрятности, только чтобы окончательно не отпугнуть постояльцев. Но в дни ярмарки даже такие дворы заполнялись приезжим людом. Картину завершал особый дух, характерный для подобных таверн, смешивающий в себе запахи копоти, затхлости, еды с пивом, немых тел и давно не стиральной одежды. Ван Акены, тем не менее, чувствовали себя везунчиками оттого, что посчастливится отужинать в этом же инне и не придётся плестись за тридевять земель искать другую таверну. За всеми столами сидели, публика здесь была разношёрстная. За соседним столиком мирно трапезничала небольшая группа, одетая скромно, по дорожному, но аккуратно и чисто. Скорее всего, приезжие, как и они сами, может статься, живописцы или торговцы товаров для художников – много их прибывает в Гент в эти дни. Несколько поодаль шумная компания играла в карты. Эта игра, пришедшая из Италии, быстро стала популярной и составила конкуренцию игре в кости тем, что являлась не менее азартной. Попытки священников бороться с этим азартом от дьявола не увенчались большими успехами, иные и сами ею увлекались.

Разгорячённые игроки то и дело подзывали разносчицу, требовали подливать себе в кружки пива и вина. Открылась дверь таверны, в неё проскользнули два монаха. Вместо того, чтобы сразу обрушить на игравшую толпу проклятия, предание анафеме и обещания вечных мук в Аду, они тихо встали в укромное место, где их мало кто замечал, но откуда они могли наблюдать за игрой. Происходящее за столом вызывало их тихие, сдавленные смешки. Один из игроков, судя по всему, ткач, с выражением досады на лице яростно скрёб затылок. Но делать нечего, и проигравшийся ткач, надеявшийся быстро разбогатеть, нехотя достал флорин из небольшого кошелька, привязанного к верёвке, служившей поясом для рубахи из грубого тёмного полотна. Его кафтан валялся тут же, на грязном полу, как и другие кафтаны честной компании. Ткач трясущейся от злости рукой передал флорин вёрткому игроку неопределённого возраста и занятия.

³⁰ Инн – постоялый двор с обязательной таверной при нём.

– Ничего, – утешил он ткача, ухмыльнувшись, обнажив гнилые зубы, – в следующий раз повезёт, – и переглянулся с другим участником игры с сальными волосами и бегающими глазами.

– Его, должно быть, зовут Любберт³¹, ему нужно вытащить камень глупости из головы, – приглушённо, со сдавленным смешком сказал один монах другому, сделав движение головой в направлении разгорячённой, хохочущей компании.

– Да, простофилю явно оболванили эти вертлявые прохиндеи, они заодно, – согласно кивнул второй, тихонько захихикал, прикрывая рот ладонью.

Они обвели взглядом таверну, наполненную разным людом и, не найдя себе места, тихо выскользнули наружу. Божьи служители, однако, напрасно полагали, будто их никто не замечает. Темноватое укромное местечко находилось рядом со столом ван Акенов и позволяло семье видеть их, а Иерониму даже слышать. Впрочем, слышать было совсем без надобности, всё читалось по их мимике.

Следующим утром ван Акены рано поднялись и сразу же отправились в церковь Святого Иоанна Крестителя на самую первую утреннюю мессу. Они посмотрят на несравненный алтарь братьев ван Эйк и сегодня же отправятся обратно в Хертогенбос.

Известная бесценным алтарём и безмерно им гордившаяся церковь была заполнена до отказа. Свято место никогда не пустовало, а в эти ярмарочные дни в Божьем храме яблоку негде было упасть, и едва ли не каждый второй – живописец. Гент давно уже стал Иерусалимом для художников, стекающих сюда со всей Европы, словно паломники, полюбоваться на произведение ван Эйков. Иероним ощутил себя почти в родном соборе Святого Иоанна. Как и хертогенбосский собор, церковь перестраивалась и расширялась³². Месса рядом со знаменитым алтарём наполнялась особой глубиной. Внимая торжественным, проникающим в самое сердце песнопениям, вдыхая запах горящего воска свеч и аромат ладана, они созерцали благословенный алтарь, переводя глаза с одной створки на другую, подолгу задерживая взгляд на каждом сюжете и внимательно, подробно рассматривая. Благородно-аристократические лица Господа, Пресвятой Девы Марии, Иоанна-Крестителя и музицирующих ангелов. Обнажённые и, неожиданно для церкви, реалистичные в своей наготе Адам и Ева. Величественная, многофигурная и, тем не менее, кропотливо исполненная сцена поклонения божественному агнцу. Неправдоподобно ясные цвета, дотошность в выписывании каждой, даже самой мелкой детали, до последней точки.

Алтарь, подобно магическому волшебству, преображал лица созерцающих его прихожан, становящихся похожими своей одухотворённостью на лица изображённых на нём Святых и ангелов. Божественно-небесная красота творения, созданного кистью земного человека не без греха, вызывала благоговейный трепет и вселяла надежду. Иероним замороженными глазами смотрел на картину. Его просветлённое лицо, лучистые серо-голубые глаза не могли оторваться от алтаря. Хотелось поклоняться такому совершенству. Он не стал себя сдерживать и в порыве чувств опустился пред алтарём на колени.

Выйдя из храма, ван Акены подали мелкие монеты грязным нищим и калекам, которыми кишела маленькая площадь на подходе к церкви. От их ни разу не стиранных лохмотьев исходила нестерпимая вонь. Кто выставлял напоказ струпья, кто язвы, а кто, за неимением явных знаков страданий, просто оголял грязные хилые тела. Маргиналы, сходящиеся в эти «хлебные» дни к церкви собирали свой куш с божественного творения братьев ван Эйк. Просветлённые несравненной красотой и благостностью добрые люди подавали просящим. Но отойдя

³¹ В средневековых Нидерландах имя Любберт являлось нарицательным и олицетворяло глупость или излишнюю доверчивость.

³² Гентская церковь Святого Иоанна Крестителя перестраивалась в течение XIV – пер. пол XVI веков и за это время преобразовалась в собор Святого Бавона, которым и является в настоящее время.

на несколько шагов от небольшой площади, переступив черту красоты и благостности, добрые люди осознавали, что поданные ими монеты тем же вечером будут пропиты в одной из близлежащих таверн, коих в Генте было много больше, чем церквей.

Гуссен и Иероним, предлагавшие посетить антверпенскую ярмарку теперь благодарили Антониуса за то, что он настоял на поездке в Гент, невзирая на более длительное путешествие. Под сильным впечатлением от творения братьев ван Эйк у Иеронима возникло желание лицезреть ещё один шедевр – предоставлялся подходящий случай. Художник как раз закончил работу над картиной для преподавателя арифметики и геометрии из университета в Лёвене. Преподаватель был не первым визитёром из брабантского университетского города, и Иероним приготовился написать очередное празднество. Но математик пожелал нечто совершенно особенное, сам не зная что.

Иерониму тогда пришла идея изобразить обычную городскую жизнь, сценку, которую он часто видел на городских площадях – ловкача, проделывающего трюки с фасолинами или костяными шариками, исчезающими под маленькими чашами. Учёный муж пришёл от идеи в восторг, сразу одобрил черновой набросок и Иероним приступил к работе. Художник построил простую композицию: на переднем плане массивный стол, по обеим сторонам которого два главных персонажа – трюкач и горожанин, пытающийся его поймать. За горожанином стоит толпа любопытных зрителей, но далеко не все из них наблюдают за происходящим. Пока горожанин поглощён действием так, что лягушка глупости вываливается у него из раскрытого рта, вор крадёт его кошелек. Такого посетителя из Лёвена лицезреть на картинах доселе не доводилось. Невиданность работы, изображающей сценку, происходящую в любом городе едва ли не ежедневно, вместо библейских сказаний разожгли интерес учёного мужа. Нетерпеливый математик прислал не одно письмо с вопросами как продвигается работа и когда картина будет готова. Иероним, поэтому, торопился поскорее её закончить и намеревался сам отвезти в Лёвен. Скорая поездка в Лёвен оказывалась весьма кстати, он давно желал лицезреть триптих блистательного Рогера ван дер Вейдена в лёвенской церкви.

Всех, кто видел новое творение Иеронима, разбирал смех. Херберта хохотала до выступивших из глаз слёз:

– Бедный простофиля, пострадает за свою глупость, когда очнётся. А шарлатан такой противный, с длинным носом.

– Возможно, не всё ещё потеряно для простака, лягушка глупости уже вывалилась из его рта, – с энтузиазмом ответил ей Гуссен, – ребёнок не наблюдает за магом и всё видит. Он может уличить вора.

– Ребёнок может испугаться и промолчать, – возразил Ян, – он всего-навсего маленький мальчик. Маг и воришка – сообщники. Они – порождение сатаны. Об этом говорит и дьявольская сова, выглядывающая из плетёного кувшина. А всё действие происходит мрачным вечером у городской стены. Хорошо, что ты изобразил осуждающий взгляд монахини. Очень кстати. Потому, что доминиканцы уже недовольно поглядывают на тебя из-за твоих танцующих на свадьбах монахов, а тут ещё и это, – Ян перевёл дыхание, – так и до ареста недалеко, – его голос зазвучал тише и глуше, он быстро перекрестился, – а там...

– Городское правление не допустит – так же глухо, но резко перебил брата Гуссен, – отцы города сами заказывают подобные картины Иерониму, они выглядят вполне нравоучительно, – он немного помедлил и добавил, – да и притихли сейчас доминиканцы.

– Выглядят вполне нравоучительно, – процитировал Ян брата, – в твоих словах скользит сомнение, Гуссен, а что уж там говорить о доминиканцах.

– Мои танцующие монахи – преимущественно францисканцы, они проповедуют не отказываться от веселья и праздников, а уныние провозглашают грехом, – пояснил Иероним.

– Верно, – согласился Антониус, – поэтому доминиканцы даже к францисканцам относятся подозрительно. А грызня между ними на руку городским властям, она не даёт монахам и священникам полностью захватить наш славный Ден Бос.

– Вполне возможно, что монахиня смотрит на трюкача не осуждающе, а с любопытным интересом, – усмехнулся Гуссен, а про себя додумал, – «и в этом вся соль», – вслух же добавил, – а умный совёнок, олицетворяющий мудрость, как у стародавних греков и римлян, взирает на происходящее с печалью или с ужасом.

– Любопытно, что подумает обо всём математик, когда увидит законченную доску? – Задалась вопросом Херберта.

– А что ты сам скажешь, Иероним? – спросил Антониус младшего сына.

После недолгого молчания Иероним улыбнулся и тихо произнёс:

– Я просто изобразил вполне обыденную сцену городского жития, знакомую любому горожанину.

– Ты изобразил непросто при простой композиции, дорогой братец, – тихо возразил Гуссен, – изобразил таким образом, что зрители безудержно смеются и это вовсе не добрый смех. Возможно, Ян прав, лучше было бы обойтись без святош на картине. Зачем вызывать их злость?

– Без святош любая сцена из тех, что я пишу была бы неполной и даже неправильной. Они живут той же греховной жизнью, что и остальные горожане, но не любят об этом вспоминать.

– Твои напоминания они точно не забудут, могут и припомнить при случае. Будь осторожен, – снова взялся за увещевания Ян.

– Я изобразил городскую жизнь, – повторил Иероним. – мы все смотрим на одно и то же, но видим разное, каждый видит то, что он хочет видеть Я не могу предвидеть как посмотрит и что увидит математик.

«А может быть ты предвидишь, – мысленно произнёс Антониус, не поняв до конца, спрашивает ли он себя или утверждает, – многое предвидишь».

– Это не всегда таким образом, Иероним, – мягко возразил Гуссен брату, – достаточно вспомнить творения братьев ван Эйк. Их алтари и картины излучают красоту и духовность, вызывают трепет и видятся всем одинаково прекрасно.

– Если бы Ян ван Эйк с его кропотливой дотошностью взялся бы написать похожую сцену, – медленно, с озорными искрами в глазах начал Иероним.

– Да ему бы и в голову не пришло изображать эту нечестивую суету, – скороговоркой перебил Иеронима Ян.

Тщательно упаковав едва успевшую просохнуть небольшую картину, Иероним отправился в Лёвен представить её заждавшемуся заказчику. Учёный муж несказанно обрадовался долгожданной и полученной наконец-то картине, гостеприимно предложил художнику ужин и ночлег в своём доме, на что Иероним тотчас согласился. Услышав о намерении Иеронима посетить церковь Святой Девы Марии, математик разъяснил как от его дома скорее всего добраться до церкви с известным на все Нидерланды алтарём.

– Вы быстро её отыщете, господин художник, – промолвил математик, поднося к губам кубок с вином, – наш город небольшой, сродни Хертогенбосу, да и церквушка невелика. Это церковь арбалетчиков. Они заказали мастеру Рогиру картину и преподнесли в дар церкви. Богоугодное дело.

– Богоугодное, – согласился Иероним, – к тому же, они прославили свою церковь на все пределы.

Переступив порог церкви, Иероним вскоре оказался перед внушительных размеров алтарной картиной, перед персонажами почти в его рост. Библейская трагедия вливалась в душу Иеронима. Благоговейность картины околдовывала. Неизбывное горе в лицах, изломанные фигуры, безжизненные, одинаково и будто параллельно изогнутые тела Девы Марии

и Иисуса. Слезы на глазах святых, казалось, через мгновение превратятся в настоящие, живые, горячие слёзы и упадут на пол перед ногами Иеронима. Ясные, сочные цвета, точность и дотошность изображения до последнего штриха, до мельчайшей, едва заметной детали отдавали некой нереальностью. Иероним, сам не замечая того, сложил руки в молитвенном жесте. Кому, чему он молился? Господу Богу? Пресвятой Богоматери? Обволакивающей его слегка потусторонней красоте?

Выйдя из церкви и кинув несколько монет в протянутые грязно-вонючие руки нищих, Иероним посчитал, что все его дела в Лёвене выполнены. Пора обратно домой, в Хертогенбос.

7

Нидерланды. 1550 год.

На бесчисленных увеселениях и особенно популярной здесь охоте наследному принцу Филиппу представили нидерландскую знать. Её, являясь наместницей Нидерландов, хорошо знала Мария Венгерская. Трём наиболее именитым дворянам – графу Хорну, графу Эгмонту и юному принцу Оранскому – предстояло сопровождать наследного принца в путешествии по провинциям Нидерландов, присоединившись к его двору. Император Карл, повинуясь многолетней привычке к передвижениям и желанию собственной персоной представить сыну Нидерланды, также готовился отправиться с Филиппом. Из решения отца принц Филипп заключил: император придаёт огромное значение нидерландским провинциям.

Первое, что незабываемо поразило Филиппа – сколь много языков знает каждый из них, с какой лёгкостью они переходят с французского на фламандский, с фламандского на немецкий, с немецкого на латинский. Но, восхищённый их многоязычием, Филипп не считал необходимым для себя учить другие языки, кроме своего испанского и латинского. С детства он учился математике, истории, литературе и музыке, затем живо интересовался архитектурой, пробовал музицировать и писать картины, чрезвычайно много читал. Император Карл пенял себя, что упустил языки из образования сына. Принц Филипп так не думал. Он прекрасно обойдётся переводчиками, немало более важных дел, на которых он сосредоточит свои усилия. В этой поездке ему переводил солидный и обстоятельный епископ аррасский де Гранвель, сопровождавший принца большую часть путешествия.

Филипп Монморанси – граф Хорн и граф Ламораль Эгмонт, оба несколькими годами старше принца Филиппа и имевшие уже семьи, с ранних лет воспитывались при императорском дворе. Они состояли на военной службе, успешно участвовали в военных кампаниях императора Карла. Им император поручил возглавить личную охрану драгоценного наследника. Юный Вильгельм (или Виллем, как его здесь величали на фламандско-голландский манер), принц Оранский, только начинал службу императору. Испанский принц был доволен и несколько даже очарован своими нидерландскими сопровождающими. Принцу предстояло посетить их дворцы по возвращению в Брюссель, он не раз обмолвился, что совершит эти визиты с большим удовольствием. Особенно удобно он ощущал себя в компании принца Вильгельма Оранского. Как и сам Филипп, Вильгельм не отличался разговорчивостью. С ним Филипп не испытывал той особой неловкости, какую неразговорчивый человек испытывает в словоохотливой компании. Филиппа увлекали их беседы о литературе, работах Эразма. Узнав, что высокий гость читает Эразма Роттердамского, троица преподнесла Филиппу роскошную книгу его трудов, напечатанную и украшенную по их заказу, пока принц Филипп находился в Брюсселе. Филипп нашёл подарок весьма полезным и подходящим в связи со скорым, волнительным для него, посещением Роттердама, тем более волнительным ещё и потому, что Филипп сумел отстоять посещение Роттердама перед отцом-императором, предложившем задержаться подольше в Бреде – там располагались важная крепость и одна из резиденций

принца Оранского. Беседуя с испанским принцем о живописи, Вильгельм упомянул имя Иеронима Босха и его замысловатую картину, доставшуюся ему в наследство:

– Вашему Высочеству весьма любопытно будет взглянуть на неё, когда вы изволите посетить мой дворец. Это что-то совершенно особенное.

После виденного у тётки Марии Венгерской, Филипп ни минуты не сомневался в правдивости слов Вильгельма Оранского.

Единственное обстоятельство, сразу бросившееся в глаза и смущавшее принца Филиппа во всех трёх именитых нидерландцах – их явная религиозная лояльность. Вильгельм Оранский, как рассказывал Филиппу отец, провёл детство среди лютеранских еретиков, но принял истинную католическую веру перед поступлением к императорскому двору – император Карл не потерпел бы лютеранина рядом с собой. Его почивший дядя Генрих, Граф Нассауский³³, от кого совсем ещё юный Вильгельм унаследовал титулы и дворцы в Брюсселе и Бреде, напротив, был католиком, хотя император, как не любил графа за весёлый нрав и изысканность, не раз пенял его за недостаточную приверженность вере и христианской церкви.

В путь отправились ранним летним утром. Прохладный, влажный воздух, не успевший ещё напиться солнца, заставлял поскорее заканчивать последние сборы и начинать движение. Дорожной процессии, казалось, не будет конца. Нескончаемая вереница карет императора, наследного принца, придворных, сопровождающие всадники, знамёна и гербы земель, городов и знати, хоругви, защищающие от неудачных дорожных okazji, многочисленные хозяйственные повозки, своры охотничьих псов, уложенные в повозки сборные шатры на случай отдыха в дороге или если вздумается устроить охоту. Император, не обращая внимания на недомогания, пребывал в приподнятом духе и вспоминал молодые годы, когда он, находясь в пути или ведя военную кампанию, мог преодолевать огромные расстояния. К принцу Филиппу вернулось потерянное в пышном Брюсселе ощущение путешественника, он опять находился в дороге.

Гент великолепен, ярк, шумен. В сравнении с ним, не говоря уже о Брюсселе, испанские города кажутся полусонными. Принц Филипп не признался бы даже себе, что несмотря на усердие держаться невозмутимо, у него замирает сердце при вступлении в город, где венчалась его легендарная прабабка по отцу Мария Бургундская, где родился его венценосный отец. Если они находятся в Генте, сомнений нет – в один из дней они прослушают мессу во вновь отстроенном величественном Соборе Святого Бавона, пред алтарём, расписанным братьями ван Эйк. Всё должно происходить согласно королевскому протоколу, но принц Филипп ловил себя на мысли, что ждёт с нетерпением посещения собора, побежал бы туда прямо сейчас. После чувствительных, глубоко-христианских нидерландских картин, что он успел увидеть, Филипп ожидал волнительной встречи с чем-то почти волшебным. Для императора Карла предстоящая месса в соборе являлась вполне обыденной очередной мессой. Он посещал собор Святого Бавона всякий раз, когда оказывался в Генте. Собор, в котором Карла младенцем крестили его красивый отец и сумасшедшая мать, правда, тогда она ещё не была сумасшедшей.

Со старательно-непроницаемым выражением на лице и трепетным волнением в душе наследник испанской короны входил в гентский собор. Алтарь братьев ван Эйк поразил принца Филиппа своим совершенством. Месса в соборе, рядом со знаменитым алтарём наполнялась особым, почти неземным, смыслом. На какое-то время принц Филипп забыл о протоколе. Его лицо просветлело, потеряло снисходительное выражение. Звуки мессы улетали в высь собора, к арочному потолку и, возвращаясь оттуда, проникали в самое сердце. Внимая божественным звукам, вдыхая аромат горящих церковных свечей и благовоний, он созерцал благословенный алтарь, переводя глаза с одной фигура на другую, подолгу задерживая взгляд на каждом сюжете и внимательно, подробно рассматривая. Благородные и одухотворённые лица Господа, Святой

³³ Генрих III Нассауский (1483 – 1538) – Граф Нассау-Бреда с 1504 года.

Девы Марии, Иоанна-Крестителя и музицирующих ангелов. Обнажённые и, неожиданно для церкви, реалистичные в своей наготе Адам и Ева не вызвали отторжения у истинного католика Филиппа, настолько совершенной и гармоничной была алтарная картина. Величественная, многофигурная и, тем не менее, тщательно, тонко исполненная сцена поклонения божественному агнцу. Неправдоподобно ясные цвета, дотошность в выписывании каждой, даже самой мелкой, детали, до последней бусины в драгоценных украшениях.

Алтарь, подобно магическому волшебству, преображал лица лицезревших его прихожан, становящихся похожими своей одухотворённостью на лица изображённых на нём Святых и ангелов. Божественная красота алтарной росписи вызывала благоговение и трепет. Принц Филипп заворожёнными глазами смотрел на картину. Его просветлённое лицо, лучистые голубые глаза не могли оторваться от алтаря. Хотелось поклоняться такому совершенству, опуститься перед ним на колени ...наследный принц сдержал чувства, вспомнил о поведении, предписанном королевскому наследнику, горделиво выпрямил осанку. Выйдя из собора, принц Филипп милостиво подал монеты нескольким толкавшимся неподалёку оборванным, грязным нищим, которым удалось пробраться к своим рабочим местам вопреки всем стараниям городских властей изгнать их из тех улиц, по которым предполагалось пройти испанскому принцу. Знал ли он, что поданные им во имя Господа монеты тем же вечером будут спущены в каком-нибудь дьявольском вертепе?

Города Фландрии и Брабанта поразили Филиппа явным богатством и процветанием, более всех – Антверпен. В антверпенском порту, казалось, собрались суда с товарами со всего света. Оживлённая, говорящая на всех языках главная площадь города Маркт не остановила торговли даже в связи с пышным приёмом коронованных гостей. Обожавший архитектуру принц Филипп отметил, что Гент и Брюссель хорошо спланированы, чего не хватало городам Испании и Италии, терявшимся в запутанности собственных улочек, переулков и тупиков. Нидерландские города показались ему и значительно чище, особенно с самого начала его пребывания в Брюсселе, когда перед глазами ещё живо представлялись города Испании. Небольшой Брюгге, когда-то гордый и заставлявший считаться с собой даже самых высоких особ, прославившийся норвом и художниками, в особенности братьями ван Эйк, тоже удостоился мимолётного присутствия, чтобы посетить гробницы его прабабки Марии Бургундской и её отца Карла Смелого.

По возвращении в Брюссель, перед следующим этапом путешествия, теперь уже по северным землям Нидерландов, принца Филиппа ждало новое, в очередной раз превзошедшее самые смелые ожидания представление, устроенное в его честь Марией Венгерской. Филипп, для кого вся эта пышность начинала уже становиться чем-то вполне обычным, в который раз подумал: а есть ли предел роскоши? С момента, когда его стопа снова коснулась улочных камней Брюсселя, его не оставляли мысли о разговоре с Вильгельмом Оранским, упоминании о коллекции живописи Генриха Нассауского и замысловатой картине Босха. Казалось, его уже ничем не удивить на этой земле после помпезных празднеств, изумительных картин, прекрасных садов, красивой архитектуры, процветающих городов, но каким—то внутренним чувством Филипп предвидел, что удивления ещё не закончились. Он нетерпеливо ожидал, когда, наконец, пройдёт положенное протоколом время и можно будет посетить замок принца Оранского. Он хотел поймать момент и просить Вильгельма Оранского, чтобы тот не устраивал приёмов и празднеств, которые потихоньку начинали ему надоедать, но счёл такое поведение не сочетающимся с титулом наследника всех престолов. Вместо этого Филип упомянул, мимолётно и с улыбкой, о том, что все эти балы начинают вызывать у него лёгкую усталость, надеясь, что искушённый, несмотря на свою юность, в придворном этикете императорского двора Вильгельм Оранский правильно воспримет непринуждённые замечания наследника.

Резиденция Вильгельма Оранского в Брюсселе, расположившаяся вблизи императорской, уступала последней в пышности и торжественности убранства. Это не ускользнуло от внимания Филиппа, из чего испанский принц заключил, что убранство сделано более скромным вполне намеренно. Он помнил рассказы отца о нежданно-негаданно свалившихся на Вильгельма, когда он был ещё ребёнком, землях, дворцах и титулах после неожиданных смертей дяди Генриха, графа Нассауского и его сына Рене де Шалона, принца Оранского³⁴. Вильгельм Оранский уловил намёк испанского принца, его приём, как и ожидал Филипп, оказался умеренным: торжественный и церемониальный, но быстрый и без набивших оскомину празднеств. Вильгельм сразу предложил испанскому принцу взглянуть на его нидерландскую живопись. Он помнил интерес принца Филиппа, слушавшего его рассказ о картине, которую он назвал одной из жемчужин своей коллекции, принц Филипп упоминал о Босхе в собрании живописи своей тётки Марии Венгерской. Оранский, поэтому, понимал, что, вопреки снисходительно-непроницаемой маске на лице, принц Филипп, на самом деле, стораёт от любопытства.

Картина эта, увлечённо повествовал принц Оранский, досталась ему в наследство от дяди Генриха, графа Нассау и Бреды, которого за ум и счастливый нрав любил государь император. Генрих Нассауский служил ещё отцу императора, Герцогу Бургундскому Филиппу Красивому.

– По рассказам весельчака-дяди, которые предназначались не мне, но которые я, будучи ещё ребёнком, слушал с открытым ртом, он нередко сопровождал герцога Филиппа в его визитах и путешествиях вместе с другим придворным, неотлучно находившемся при герцоге, его испанское имя я хорошо запомнил – Дон Диего де Гевара. Дон Диего хорошо знал Босха и не раз посещал его в Хертогенбосе.

Филипп внимал монологу принца Оранского, пока они неторопливо шествовали по залам, и старался ничего не пропустить. Диего де Гевара. Это имя упоминала тётка Мария, тоже в связи с именем его деда герцога Филиппа и картинами Босха. Вильгельм Оранский, тем временем, продолжал:

– Дядя Генрих Нассауский встречал мастера Босха и заказал ему эту картину. Он и сам был человеком неглупым, но упоминал, что взгляд мастера Босха поразил его своей пронзительностью, будто тот видел всё, что происходит у него внутри.

Они вошли в обширный зал, где Вильгельм Оранский содержал доставшуюся по наследству коллекцию. Юный Вильгельм, любитель литературы, истории и языков, к удивлению Филиппа, не испытывал особой привязанности к живописи и приобретал картины скорее по обычаю и обязанности пополнять семейную коллекцию, чем от любви к этому искусству. Филипп рассматривал нидерландскую живопись, примечая уже узнаваемые стиль и сюжеты мастера Босха. Картины, изображающие трёх бредущих слепых, Несение Креста Христом с гротескно-зловными, но и неизъяснимо забавными лицами вокруг.

– Это копии, – рука Вильгельма улетела в сторону картин, есть среди них и авторские копии из мастерской Босха, – дядюшка, а вернее, его сын Рене, завещал мне только один оригинал, но какой! Были и другие картины из мастерской Босха. Их после смерти дяди увезла с собой его последняя жена – Менсия де Мендоса. Она не осталась в Нидерландах, а по просьбе её семьи вернулась в Испанию. Но эту картину дядя Генрих оставил своему сыну Рене де Шалону.

³⁴ Рене де Шалон (1519 – 1544) – сын Генриха Нассауского, унаследовал со стороны матери титул Принца Оранского с 1530 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.